

Мой пылкий лорд

Автор:

[Гэлен Фоули](#)

Мой пылкий лорд

Гэлен Фоули

Очарование (АСТ)Семья Найт #2

Молва называла лорда Люсьена Найта гнусным развратником, предававшимся, вместе со столь же распутными приятелями, тайным оргиям. И никто не подозревал, что эта отвратительная личина – лишь маска, под которой скрывается опытный разведчик, готовый ради спасения родной страны даже погубить собственную репутацию.

Но внезапная встреча с прелестной, чистой и невинной Элис Монтегю ставит Люсьена перед трудным выбором. Что же делать? Открыть девушке правду о себе – и поставить под удар охоту на опасного наполеоновского шпиона? Или продолжить нелегкую миссию, по-прежнему изображая отъявленного негодяя, – и утратить всякую надежду на взаимность?..

Гэлен Фоули

Мой пылкий лорд

Роман

Gaelen Foley

Lord of Fire

* * *

Печатается с разрешения издательства Ivy Books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC и литературного агентства Nova Littera SIA.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Gaelen Foley, 2001

© Перевод. И. Кузнецова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Лондон, 1814 год

С высоты балкона он смотрел на переполненный бальный зал. При мерцающем свете свечи, колеблемом ветром, казалось, что человек то выступает из небытия, то вновь возвращается обратно. Неровный свет отражался на его волосах цвета воронова крыла и выхватывал из темноты глаза цвета ртути, взгляд которых наводил на мысль о бессмертии Макиавелли.

Терпение. Все в порядке. Самое важное – это подготовка, а он занимался ею особенно тщательно. С циничной усмешкой лорд Люсьен Найт поднес к губам свой хрустальный бокал с бургундским, подержал его, вдыхая насыщенный аромат вина, а потом выпил. Он еще не знал лиц и имен своих врагов, но чувствовал, что они приближаются, словно стая шакалов. Его это не пугало – он готов. Он поставил ловушку и снабдил ее хорошей приманкой, пустив в ход распутство и соблазнительный флер опасной политической интриги, перед

которым не устоит ни один шпион.

И теперь ему оставалось только наблюдать и ждать.

Весной этого года подошли к концу двадцать лет войны. Наполеон потерпел поражение, отрекся от престола и отправился в ссылку на остров Эльба, расположенный в Средиземном море. Наступила осень, и главы европейских правительств собрались в Вене, чтобы подписать мирное соглашение; но любой здравомыслящий человек понимал, что, пока Бонапарта не перевезут в более безопасное место где-нибудь в Атлантике, войну нельзя считать законченной. Эльба – это всего лишь скала, оторванная от итальянского берега, но ведь есть и такие, кому мир не по душе, – те, кто в возвращении на французский престол короля Людовика XVIII Бурбона не видит для себя никакой выгоды, кто хотел бы вернуть Наполеона. Будучи одним из самых опытных тайных агентов английского правительства, Люсьен получил приказание от министра иностранных дел виконта Кэслри не терять бдительности, пока мир не будет ратифицирован.

Он сделал еще глоток, и его серебристые глаза грозно сверкнули. Пусть приходят. Он заманит их в ловушку и сокрушит, как сделал это со множеством других. Право же, он сумеет поставить их на колени.

Внезапно снизу, из бального зала, донеслись приветственные возгласы и толпа взволнованно загудела. Ну-ну, герой-победитель! Люсьен наклонился вперед и прислонился плечом к перилам балкона, наблюдая, как его брат-близнец, полковник лорд Деймиен Найт, входит в парадные комнаты. Он выглядел очень представительно в своей алой военной форме, держался сурово, с достоинством архангела Михаила, только что победившего дракона. Блеск его парадной шпаги и золотых эполет, казалось, создавал вокруг Деймиена сверкающий ореол. Всем известные суровость и не улыбочивость полковника не обескуражили рои очарованных им женщин, пылких адъютантов, младших офицеров и разного рода подхалимов, всегда готовых выказать свое преклонение перед героем. Все они мгновенно окружили его. Деймиен всегда был любимцем обитателей олимпа.

Люсьен покачал головой. При виде триумфа Деймиена он почувствовал мрачное удовлетворение, однако его улыбка и надменный взгляд скрывали боль, с недавнего времени поселившуюся в его душе. Деймиен, как старший из близнецов, вскоре станет графом в результате некоего выверта в их

родословной. Однако Люсьен испытывал не досаду на превратности судьбы, а скорее недоумение от того, что его бросил самый верный союзник. Деймиен был единственным человеком, который действительно понимал его. Большую часть своей жизни близнецы Найт были неразлучны. Во времена их разгульной молодости, а сейчас им было по тридцати одному году, друзья прозвали их Люцифером и Демоном, и встревоженные матери девиц, начинавших выезжать, предостерегали дочерей от «этой пары дьяволов». Но те беспечные денечки давно остались позади.

Деймиен так и не принял решения Люсьена оставить армию ради тайной службы в дипломатическом корпусе. Как правило, офицеры считали шпионаж делом недостойным. Для Деймиена и ему подобных шпион ничем не отличался от змеи. Деймиен был прирожденным воином – всякий, кто хоть однажды видел его в бою, с лицом, испещренным черным порохом и кровью, переставал сомневаться в его предназначении. Но без постоянного потока информации, которую посылал ему Люсьен, причем посылал против предписаний, рискуя своей жизнью, потому что информация эта касалась вражеских позиций, сил, численности войск и наиболее вероятных планов атак, – без этой информации не было бы всех этих многочисленных побед. Конечно, гордость великого командира сильно уязвляло, что он не добился бы такой славы без помощи брата-шпиона.

«Ну и пусть, – цинично подумал Люсьен. – Все равно именно я знаю лучше кого бы то ни было, как заставить этого титана вернуться с небес на землю».

– Люсьен! – внезапно окликнул его кто-то тихим шепотом.

Он повернулся и увидел в дверном проеме соблазнительный силуэт Кейро.

– О, дорогая леди Гленвуд, – промурлыкал он, с мрачной улыбкой протягивая ей руку. Вот уж разозлится Деймиен.

– Я везде вас искала! – Женщина бросилась к нему, шелестя черным атласом, и кукольные локоны, свисавшие по обеим сторонам ее лица, взметнулись вокруг намянутых щек. Она робко улыбнулась, открыв очаровательный маленький зазор между двумя передними зубами, взяла его за руку и позволила ему привлечь ее к себе. – Здесь Деймиен...

– Кто? – пробормотал Люсьен, скользя губами по ее губам.

Кейро тихонько застонала под его поцелуем и припала к нему, черный атлас ее платья чувственно скользнул по белой парче его вечернего жилета. Накануне ночью вот так скользила по его коже ее кожа.

Двадцатилетняя баронесса носила траур по своему покойному мужу, однако Люсьен сомневался, что она пролила хоть одну слезинку. Муж для такой женщины, как Кейро, – досадная помеха в погоне за удовольствиями. У ее черного платья был узкий лиф, в котором едва помещались пышные груди. Платье цвета полуночи делало ее кожу похожей на алебастр, а малиновые губы гармонировали с розами, украшавшими темно-каштановые волосы, уложенные в затейливую прическу. Спустя мгновение Кейро попыталась прервать поцелуй, упершись ему в грудь руками, затянутыми в перчатки.

Когда баронесса отодвинулась, он увидел, что она торжествует – щеки пылают, а глаза, похожие на темный изюм, сверкают в предвкушении окончательной победы. Люсьен скрыл свою оскорбительную улыбку, а Кейро коварно опустила ресницы и погладила лацканы его черного вечернего фрака. Конечно, она считает, что совершила невозможное, то, что никогда не удавалось совершить ни одной из ее соперниц, – заманила в ловушку близнецов Найт, покорила их и теперь может играть ими обоими, теща свое тщеславие. Увы, эту леди ждет большой сюрприз!

Люсьен знал, что он человек дурной, но все же не устоял перед искушением и решил немного поиграть с ней. Не отрывая пристального взгляда от ее лица, он облизнул губы, потом со значением посмотрел на соседнюю стену, окутанную тенью.

– Никто нас здесь не увидит, дорогая. Вы не откажетесь?

У баронессы вырвался самодовольный смешок.

– Вы порочный дьявол, я дам вам больше – но потом. А теперь я хочу, чтобы мы пошли повидаться с Деймиеном.

Люсьен поднял бровь, продолжая игру с совершенным мастерством.

– Вместе?

– Да. Я не хочу, чтобы он решил, что у нас есть что скрывать, – она бросила на него хитрый взгляд из-под ресниц и пригладила его белый шейный платок, – мы должны вести себя естественно.

– Я попытаюсь, *ma cherie*[1 - Моя дорогая (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.], – сказал Люсьен.

– Прекрасно! Так пойдете же. – Она просунула руку в перчатке ему под локоть и потащила его к маленькой витой лестнице, которая вела вниз, в бальный зал. Люсьен шел с добродушным видом, и это должно было бы подсказать баронессе, что он что-то задумал. – Поклянитесь, что вы ему ничего не говорили!

– *Mon ange*[2 - Мой ангел (фр.)], я никогда не пророню ни слова. – Люсьен счел излишним уточнять, что взаимопонимание между полными близнецами таково, что им почти не требуется слов для обмена информацией. Взгляд, улыбка, манера поведения могут сказать очень многое. Противно было думать, что эта маленькая распутная интриганка, хотя и очень красивая, чуть не женила Деймиена на себе. К счастью для последнего, этот змей – его брат-шпион – снова пришел на помощь. Кейро не выдержала испытания.

Люсьен склонился к ее уху.

– Полагаю, вы не раздумали отправиться со мной в Ревелл-Корт в конце недели?

Она бросила на него беспокойный взгляд.

– По правде говоря, дорогой, я... я не уверена.

– Как? – Люсьен остановился и с сердитым видом повернулся к ней. – Отчего же нет? Я хочу, чтобы вы были там.

Она слегка раскрыла рот и посмотрела на него с таким видом, словно могла в ответ на его просьбу достичь высшей точки страсти не сходя с места.

– Люсьен...

– Кейро, – возразил он. Его настойчивость вдохновлялась не преданностью любовника, но тем простым соображением, что полезно иметь под рукой красивую женщину, когда пытаешься обнаружить вражеских шпионов.

– Вы не понимаете! – сказала она, надув губки. – Мне хочется поехать. Но я сегодня получила письмо от Гуди Два Башмака. Она пишет...

– От кого? – с удивлением переспросил Люсьен. Если память ему не изменяла, то Гуди Два Башмака – это действующее лицо в классическом детском рассказе Оливера Голдсмита.

– От Элис, моей невестки, – пояснила баронесса, раздраженно отмахиваясь. – Возможно, мне придется поехать домой в Гленвуд-Парк. Она пишет, что мой ребенок, кажется, болеет. Если я не приеду домой и не помогу ухаживать за Гарри, Элис снимет с меня голову. Хотя я совершенно не умею обращаться с малышами, – она фыркнула, – увидев меня, он поднимает крик, вот и все.

– Но ведь с ним нянька, не так ли? – недовольно поинтересовался Люсьен. Он знал, что у Кейро есть трехлетний сынишка от покойного мужа, хотя, как правило, она забывала об этом факте. Ребенок был одной из причин, почему Деймиен так хотел жениться на этой женщине. Кроме каких-то причудливых отцовских чувств к ребенку, которого он никогда не видел, Деймиен хотел получить жену, уже доказавшую свою способность родить сыновей. В конце концов, графу нужны наследники. К несчастью, Кейро оказалась женщиной нестоящей, поскольку она весьма быстро и от всего сердца поддалась на соблазны Люсьена. Получив такой удар по своей гордости, Деймиен, конечно, взвзвывается, но Люсьен никак не мог допустить, чтобы его брат женился на той, которая не любит его до самозабвения. Женщина, достойная Деймиена, не попала бы в шелковые сети Люсьена.

– Разумеется, нянька у него есть, но Элис пишет, что ему нужна... в общем, ему нужна я, – с неудовольствием заявила Кейро.

– Но мне вы тоже нужны, дорогуша. – И он просяще улыбнулся, подумав при этом, испытывала ли подобные угрызения совести его собственная покойная матушка. Что это было за создание – скандальная герцогиня Хоксклифф! Осталось не так уж много мужчин, обойденных ее вниманием. Да и отцом близнецов был вовсе не муж, а ее преданный многолетний любовник,

могущественный и таинственный маркиз Карнартен. Маркиз недавно умер, оставив Люсьену львиную долю своего состояния и свою печально известную виллу Ревелл-Корт, расположенную в нескольких милях к юго-западу от Бата.

Глядя на Кейро, Люсьен понял, почему ему так не хотелось, чтобы Деймиен женился на этой женщине. Она мало чем отличалась от их матери. Резко отвернувшись, он зашагал по коридору, оставив Кейро там, где она стояла.

– Это не имеет значения, любезнейшая. Поезжайте домой к вашему отпрыску, – пробормотал он, – а я найду себе другую усладу.

– Но, Люсьен, я хочу поехать с вами! – возразила баронесса, поспешая за ним.

Он шел по коридору, глядя прямо перед собой.

– Вы нужны вашему мальчику, и вы это знаете.

– Нет, не нужна, – голос ее звучал так слабо, что Люсьен вопросительно посмотрел на нее, – он меня даже не знает. Он любит только Элис.

– Вы так думаете?

– Это правда. Я никуда не годная мать.

Люсьен покачал головой и досадливо вздохнул. Какое ему дело, если ей так нравится лгать самой себе?

– Так пойдемте же. Деймиен ждет. – И Люсьен решительно увлек баронессу навстречу ее судьбе.

Освещенный ярким светом шарообразных люстр, бальный зал походил на вполне цивилизованное место для тех, кто видел только внешнюю сторону вещей; но для Люсьена мраморный пол из черных и белых квадратов был огромной шахматной доской. Прикрываясь маской распушенной, любящей потакать своим желаниям личности, Люсьен внимательно разглядывал толпу гостей. Все его чувства обострились, он пытался отыскать какую-либо незначительную деталь, которая помогла бы ему сориентироваться. Ничто никогда не лежит на

поверхности, вот почему он выпестовал в себе манию преследования и никому не доверял. По опыту он знал, что именно люди с самой заурядной внешностью и совершают подчас тяжелейшие преступления. Странные личности, как правило, безвредны; на самом деле Люсьен испытывал симпатию к тем, кто не желал соответствовать общепринятым меркам. Это предпочтение определилось после многочисленных знакомств с людьми дурной репутации, со странными существами, с изгоями, с разного рода сластолюбцами, с мятежниками, с растрепанными научными гениями из Королевского общества; и теперь причудливые эксцентрики всех сортов кивали ему, тайком выказывая свое уважение.

«Ах, моим приспешникам не терпится вернуться на праздник в Ревелл-Корт», – подумал он, чрезвычайно довольный. Люсьен подмигнул раскрашенной леди, которая приветствовала его из-за своего раскрытого веера.

– Ваше дьявольство, – шепнула она, бросив на него призывный взгляд.

Он склонил голову:

– *Bon soir, madame* [З - Добрый вечер, сударыня (фр.)]. – Потом краешком глаза заметил, что Кейро, держа бокал с вином, смотрит на него с обожанием, слегка раскрыв губы. – Что такое, дорогая?

Она бросила взгляд на разодетых в бархат негодяев, кланяющихся ему, потом с лукавым видом посмотрела ему в глаза.

– Я представила, как стала бы обходиться с вами мисс Гуди Два Башмака. Мне это показалось забавным. Интересно было бы посмотреть, как вы ее совращаете.

– Приведите ее как-нибудь, а я уж постараюсь.

Баронесса усмехнулась:

– Она, пожалуй, упадет в обморок от одного вашего взгляда, эта маленькая ханжа.

– Молодая?

– Не очень, ей двадцать один год. – Кейро помолчала. – На самом деле я сильно сомневаюсь, что даже вам удастся проникнуть в ее башню из слоновой кости, если вы понимаете, о чем я говорю.

Люсьен нахмурился.

– Объясните, пожалуйста.

Кейро пожала плечами, и насмешливая улыбка изогнула ее губы.

– Не знаю, Люсьен, это будет нелегко. Элис настолько же хорошая, насколько вы – плохой.

Он поднял бровь и так застыл на мгновение, потом снова заговорил, потому что в нем проснулось любопытство.

– Она действительно образец всех добродетелей?

– Ах, меня просто тошнит от нее, – тихонько ответила Кейро, кивая налево и направо, пока они пробирались сквозь толпу. – Она не любит сплетни. Она никогда не лжет. Она не смеется, если я делаю остроумное замечание по поводу смешного платья какой-либо женщины. Она не подвержена тщеславию. Она даже никогда не пропускает службу в церкви!

– Боже мой! Примите мои соболезнования по поводу того, что вам приходится жить рядом с таким чудовищем. Как, вы сказали, ее зовут? – кротко поинтересовался Люсьен.

– Элис.

– Монтегю?

– Да, это младшая сестра моего бедного Гленвуда.

– Элис Монтегю, – задумчиво повторил Люсьен. «Дочь барона, – подумал он. – Добродетельна. Не замужем. Хорошо относится к племяннику. Кажется, превосходная кандидатка в невесты Деймиену». – Она красива?

- Терпима, – равнодушно ответила Кейро, избегая его взгляда.

- Хм... – Он испытующе посмотрел на баронессу, и глаза его лукаво сощурились при виде ревности, отразившейся на ее красивом лице. – До какой степени терпима?

Она бросила на него уничтожающий взгляд и промолчала.

- Ну же, отвечайте!

- Оставьте ее!

- Мне просто любопытно. Какого цвета у нее глаза?

Баронесса демонстративно кивнула какой-то даме в тюрбане с перьями.

- Ах, Кейро, – игриво прошептал Люсьен, – неужели вы ревнуете к свежести двадцати одного года?

- Не говорите вздор!

- Тогда в чем же дело? – не унимался он, подзадоривая ее. – Скажите, какого цвета глаза у Элис?

- Синие, – выпалила она, – но они тусклые!

- А волосы?

- Белокурые. Рыжие. Не знаю. К чему все это?

- Ну, будьте же любезны!

- Вы настоящий бич Божий! Если уж вам так нужно знать, то волосы Элис – это предмет ее гордости. Они достают до талии, и вы, вероятно, назвали бы их белокурыми, – брюзгливо сказала баронесса. – Но в них всегда полно крошек от

всяких там булочек, которые ребенок ест на завтрак. Ужасно противно! Я сто раз говорила ей, что длинные, ниспадающие, как у Рапунцель, волосы – помните, она спускала их с башни вместо веревочной лестницы? – совершенно немодны сейчас. Но она пропускает мои слова мимо ушей. Ей так нравится. Теперь вы удовлетворены?

– Звучит восхитительно, – прошептал Люсьен ей на ухо. – Можно, я возьму ее в Ревелл-Корт вместо вас?

Кейро отпрянула и ударила его своим черным кружевным веером.

Люсьен все еще смеялся над ее гневом, когда они натолкнулись на группу военных в красных мундирах.

– Ах, взгляните, леди Гленвуд, – с легкой иронией проговорил он, – вот и мой дорогой брат. Привет, Демон! Я привел кое-кого посмотреть на тебя. – Сунув руки в карманы своих черных панталон, Люсьен медленно покачивался с носка на пятку, и циничная улыбка играла на его губах. Он ждал начала представления.

Офицеры, приятели Деймиена, пренебрежительно посмотрели на Люсьена, простились со своим полковником и демонстративно отошли. «Дабы не запятнать свою честь заразой», – ехидно подумал Люсьен. Лицо Деймиена посуровело в сражениях, однако он не утратил любезности светского льва, поэтому, оторвавшись от широкой колонны, которую он до этого подпирал, полковник чопорно поклонился Кейро.

– Леди Гленвуд, весьма рад снова встретиться с вами, – пророкотал он.

«Деймиен держится так серьезно, словно не со своей избранницей здороваётся, а объясняет план сражения своим капитанам», – подумал Люсьен.

Действительно, после того как Деймиен, приняв участие почти во всех главных военных кампаниях, вернулся домой, оказалось, что взгляд его стал безразличным, ледяным, и это очень тревожило Люсьена, но здесь он ничем не мог помочь, поскольку брат почти с ним не разговаривал.

– Надеюсь, миледи, вы нашли сегодня вечером развлечения себе по душе, – заметил Деймиен.

Кейро улыбнулась ему улыбкой, в которой были странно смешаны терпение и вожделение, а Люсьен подавил желание закатить глаза при виде натянутой официальности брата. Деймиен может отрубить голову врагу одним ударом палаша, но подведите его к красивой женщине, и матерый полковник становится таким же робким и неуверенным, как школьник-переросток. Великосветские дамы – это нечто вроде облитых сахаром сладостей, и он, кажется, опасается, что они сломаются, если он к ним прикоснется. Военному герою легче со смелыми девицами, которые промышляют по ночам в Сент-Джеймском парке.

Люсьен забавлялся, наблюдая, как Деймиен мучительно ищет тему для разговора.

– Как Гарри? – внезапно поинтересовался он.

Люсьен на мгновение закрыл глаза и раздраженно ущипнул себя за кончик носа. До чего же его брат несообразителен в обращении с противоположным полом! Просто невозможно явственнее показать, что ему нужна высокородная племенная кобыла! Ни тебе красивых комплиментов, ни приглашения на танец. Удивительно, что женщины вообще соглашаются иметь дело с таким грубияном.

Даже Кейро смутилась – для нее признать, что она произвела на свет ребенка, означало, что первое цветение молодости миновало. И она не упомянула о болезни мальчика, а поспешно перевела разговор в другое русло. Глядя на них, Люсьен убедился, что брату нелегко удаётся изображать внимание к пустой болтовне Кейро.

– Как чудовищно скучен этот малый сезон, вам не кажется? Сливки общества разъехались по поместьям ради осенней охоты либо в Париж и Вену...

Мгновенно заскучав, Люсьен обвил рукой талию Кейро и притянул ее к себе.

– Что ты думаешь об этой красивой девочке, а, Деймиен?

Взвизгнув, она упала ему на грудь:

– Люсьен!

– Разве она не искушает тебя? Меня вот она искушает просто до предела, – многозначительно прошептал он, проведя рукой по изгибу ее бедра медленным ласкающим движением.

Деймиен ошеломленно уставился на него. «Что ты делаешь, черт побери?» – этот вопрос был написан на его сердитом лице, но возможно, он ощутил во вкрадчивой улыбке своего близнеца что-то дьявольское, поскольку не стал делать поспешных выводов и настороженно посмотрел на Люсьена. Лучше, чем кто-либо другой, он знал, что брат ничего не делает просто так.

– Разве она не восхитительна сегодня? Тебе следовало бы сказать ей об этом.

Деймиен бросил взгляд на Кейро, потом на брата.

– Воистину.

Это единственное злое слово вырвалось из его груди как отдаленный раскат грома. Он внимательно посмотрел на молодую женщину, пытаясь понять, что скрывается за ее нервной улыбкой, поскольку он не имел прирожденного дара, как Люсьен, мгновенно схватывать суть вещей.

– Отодвиньтесь от меня, Люсьен, на нас смотрят, – смущенно прошептала Кейро, упираясь плечом в его грудь в попытке высвободиться.

– Что такое, mon ange? Вы хотите, чтобы я прикасался к вам только тайком? – ласково спросил он, продолжая крепко держать ее.

Она похолодела и смотрела на него с потрясенным видом, ее карие глаза казались еще темнее на побледневшем лице.

– Пора исповедаться, дорогая! Вы пытались манипулировать мной и моим братом, но это дело не пройдет. Скажите Деймиену, где вы были вчера вечером.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – прошептала Кейро.

Бросив на баронессу взгляд, который способен был испепелить ее, Деймиен потихоньку выругался и отвернулся. Люсьен тихо засмеялся и позволил Кейро высвободиться из его рук.

- Деймиен, не слушайте его - вы же знаете, что он лжец!

- И вы станете хлопать передо мной ресницами после того, как спали с моим братом? - неистово прошептал полковник, отталкивая от себя ее цепляющиеся руки.

- Но я... это не моя вина, это он виноват!

- Вы наглы, сударыня. Больше того, вы глупы.

В отчаянии она резко повернулась к Люсьену.

- Вы слышали, как он отозвался обо мне? Вы не должны разрешать ему употреблять подобные выражения!

Но единственным ответом Люсьена был тихий и довольно зловещий смех.

- Что здесь происходит? - спросила она дрожащим голосом.

- Кейро, сердце мое, этот человек отнюдь не дурак. Вчера вечером я забыл сказать вам одну вещь - Деймиен намеревался сделать вам предложение.

У Кейро отвисла челюсть. На мгновение вид у нее стал такой, словно корсет, тесно сжимающий великолепные шары ее груди, мешает ей дышать; потом ее потрясенный взгляд устремился на Деймиена.

- Это правда?

- Я полагаю, нет нужды обсуждать это! - прорычал тот.

- Вот как?! - воскликнула она.

– Я просто считал, что будет полезно дать отца вашему ребенку, поскольку родного он потерял. – Ледяной взгляд Деймиена скользнул по ее телу, задержавшись на бедрах. – Жаль, что вы не можете обуздать свою похоть. – Его сердитый взгляд устремился на Люсьена. – На одно слово, сэр.

– Как вам угодно, брат!

– Люсьен! Вы не можете меня так оставить! – И, совершенно забыв о приличиях, баронесса схватила его за руку.

– Кейро, киска моя... – Он поднял ее руку и поцеловал, а потом отпустил и пошел прочь. – Брат прав, боюсь, вы не выдержали испытания.

– Испытания? – В ее глазах мелькнуло понимание, а потом ярость. – Ах вы, дьявол! Ублюдок! Оба вы ублюдки! Вот вы кто!

– Ну, милочка моя, это давно не тайна, – сказал, улыбаясь, Люсьен. – Наша матушка была еще большей шлюхой, чем вы.

С яростным воплем Кейро швырнула в него своим пустым бокалом, но Люсьен поймал его на лету – реакция у него была как у кошки – и осторожно поставил на поднос проходившего мимо лакея, а потом рукой в белой перчатке послал баронессе воздушный поцелуй. Насмешливо и спокойно поклонившись ей, он повернулся и вышел из зала вслед за братом.

Братья Найт дружно пересекли соседний зал и спустились по великолепной лестнице на первый этаж. Люди глазели на них, но близнецы привыкли к такой реакции. Шагая в ногу, они миновали несколько роскошно убранных гостиных с буфетами и наконец добрались до бильярдной, расположенной в углу анфилады. Они вошли в это полутемное мужское святилище с дубовыми панелями на стенах, и Деймиен очистил комнату от посторонних одним своим сердитым взглядом. Люсьен с издевательским видом придержал дверь для двух джентльменов, которые погасили свои сигары и поспешили выйти, оставив в комнате ядовитое облако дыма, расплывавшееся над тремя бильярдными столами.

Кивнув последнему из уходивших, Люсьен выглянул за дверь и увидел, что Кейро, поспешившая за братьями, уже находится в коридоре. Казалось, она не

смеет подойти ближе. Ее руки в перчатках были сжаты в кулаки, темные глаза метали искры. Она закусила алую губу, чтобы не выкрикивать оскорбительные слова в его адрес. Он тихонько засмеялся и захлопнул дверь у нее перед носом. Расправившись с леди Гленвуд – и это было самым интересным, – он не сомневался, что всегда сможет вернуть ее, все загладив несколькими ласковыми словами, и привезти ее к себе на виллу в конце недели на вечеринку, как они и планировали до ссоры – вне зависимости от того, болен у нее ребенок или нет. Ведь Кейро твердо вознамерилась узнать в конце концов, действительно ли сборища в Ревелл-Корте так безнравственны, как она слышала.

Повернувшись, он увидел, что Деймиен внимательно смотрит на него, угрожающе сложив на груди руки. Грозный полковник с задумчивым видом гладил подбородок. Насторожившись, Люсьен подошел к ближайшему бильярдному столу и принялся катать по его зеленой бархатной поверхности восемь блестящих черных шаров. Он вертел их, как волчки, и смотрел, как они крутятся под его рукой в белой перчатке, и походил при этом на некое божество, которое из прихоти забавляется с земным шаром: куда бы это мне насрать голод, куда чуму?

– Разве мы не заключили договор о том, что никогда не позволим женщине стать между нами? – спросил Деймиен.

– Ну как же, заключили, в наш восемнадцатый день рождения. Я прекрасно помню об этом.

– Вот как?

Деймиен ждал объяснений. «Пусть подождет», – подумал Люсьен.

– Ну?

– Что? – Он с невинным видом посмотрел на брата. – Да брось ты, не будь таким серьезным!

– Вы совершенно правы – я крайне серьезен!

Когда Деймиен повышал голос, целые полки трепетали от страха, но Люсьен всего лишь устремил на брата страдальческий раздраженный взгляд.

– Я не могу извиняться, если не чувствую за собой вины.

Глаза у Деймиена сузились и превратились в серо-стальные щелки.

– Иногда мне кажется, что вы злой человек.

Люсьен тихо рассмеялся.

– Какую игру вы ведете теперь? – Деймиен сделал шаг к брату. – Вы к чему-то клоните, и я не понимаю, к чему именно. Дайте мне четкий ответ, иначе я за себя не ручаюсь. Черт побери, Люсьен, не будь вы моим братом, я бы убил вас за такие вещи!

– Из-за Кейро Монтегю? – спросил Люсьен с сомнением.

– Вы сознательно унизили меня.

– Напротив, я спас вас от унижения. Вы должны поблагодарить меня, – возразил Люсьен. – Теперь вы по крайней мере знаете, чего стоит ваш ангел. Господи, да ведь я старался для вашего же блага!

Деймиен презрительно фыркнул:

– Признайтесь, что вы соблазнили Кейро для того, чтобы отомстить мне, дабы сравнять счет.

Люсьен помолчал и бросил на брата угрожающий взгляд.

– Сравнять счет?

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. О титуле.

– Плевать я хотел на ваш титул. – В глазах Люсьена сверкнуло разгорающееся пламя, но Деймиен не обратил внимания на его слова и продолжал свои обвинения:

– У вас нет никаких оснований обижаться на меня. Ваше состояние теперь в порядке, поскольку Карнартен сделал вас своим не ограниченным в правах наследником. Честно говоря, я никогда не собирался жить на половинном жалованье до конца своих дней. Я принимаю графский титул, и вам придется с этим смириться. Между прочим... – Когда Деймиен остановился совсем рядом с братом и устремил на него холодный взгляд, казалось, что он смотрит в злое зеркало – те же черные волосы, те же пристальные серые глаза. Оба они были слишком горды, чтобы признать, что приобретенный за время войны опыт оказал на каждого из них сильнейшее, хотя и различное, влияние.

– Да? – спросил Люсьен с прозаическим видом.

– Надеюсь, что вы не собираетесь соблазнять каждую женщину, которая мной заинтересуется, потому что дважды я не спущу такого оскорбления. Даже вам!

Люсьен долго смотрел на него с недоверчивым видом.

– Вы что же, угрожаете мне?

Взгляд Деймиена не оставлял сомнений в том, что он говорит совершенно серьезно. Ошеломленный Люсьен отвернулся. Он растерянно провел рукой по волосам, потом засмеялся – тихо и горько.

– Ах ты, самодовольный негодяй! Лучше бы я позволил тебе жениться на этой шлюхе, и пусть она наставила бы тебе рога со всем Лондоном! Наш разговор окончен?

Деймиен пожал плечами.

– Вот и прекрасно! – Быстрым, как молния, движением Люсьен подкатил шар к остальным, лежащим на столе. Он ударил в них с громким треском, и они, смешавшись, раскатились в разные стороны. Люсьен повернулся и направился к двери.

«Как удобно, что моя жизнь повернулась именно так», – подумал он, шагая по бильярдной. Последние два с половиной года он работал один, постоянно меняя обличья, как перевертыш. Люсьен натягивал на себя новую личину всякий раз, когда приступал к очередному заданию, появляясь в жизни множества людей и исчезая из нее, как призрак, никогда не заводя прочных связей. Теперь даже брат-близнец не желает его знать. Он, лорд Найдт, игнорирует правила джентльменского поведения. Его охватили отчаяние и отвращение к себе. Если он больше ничего не значит для Деймиена, тогда для кого же? Ни для кого, понял Люсьен, ощутив противную пустоту в душе. Он совершенно одинок.

– Задержись на минуту, – окликнул его Деймиен.

Люсьен обернулся с угрожающей и элегантной надменностью.

– Да?

Деймиен вздернул подбородок.

– О вас ходят странные слухи, весьма эксцентричные.

– Расскажите.

– Говорят, будто бы вы воскресили старое тайное общество нашего отца. Шепчутся... о непристойных делах, творящихся в Ревелл-Корте, о каких-то странных ритуалах.

– Ну что вы, – вежливо возразил Люсьен.

Деймиен всматривался в него.

– Судя по всему, многие думают, что вы просто устраиваете буйные вечеринки, но кое-кто считает, что вы вовлечены в какой-то... языческий культ вроде того, который существовал в старом клубе «Преисподний огонь».

– Ужасно интересно, – промурлыкал Люсьен.

– Это правда?

Люсьен молча улыбнулся брату мрачной усталой улыбкой, повернулся и покинул бильярдную.

Утреннее солнце позолотило окрестности Гэмпшира мягким сиянием осени и проникло в высокие окна уютной гостиной Гленвуд-Парка. Элис Монтегю, нахмурившись, вытащила из своих волос крошки от булочки, которой позавтракал Гарри, и, тихонько напевая, принялась укачивать его. Обходя комнату, она беспокойно вглядывалась в полукруглое окно, поскольку с минуты на минуту ожидала появления кареты Кейро. Во всяком случае, Элис надеялась на ее появление.

Всю неделю Гарри капризничал, что было совсем ему несвойственно. Вчера он уснул на полу гостиной, засунув в рот палец и закутавшись в одеяло, в то время как Элис старательно вышивала новый костюм для лихого мистера Уэмбли, деревянной куклы на шарнирах. А утром выяснилось, что предсказания старой няни Гарри сбылись. Крошечный барон Гленвуд разбудил всю прислугу негодующими воплями – сердитого, несчастного мальчугана лихорадило, он весь покрылся сыпью. У него началась ветрянка.

За завтраком Гарри чесался, капризничал и плакал, и вот наконец, расстроенный, задремал на руках у Элис.

– Мама, – слабым голосом прошептал малыш. Он звал Кейро все утро.

– Она скоро приедет, милый, – пообещала Элис, продолжая укачивать его. – Она уже едет.

– Сыпь.

– Да, я знаю, что у тебя сыпь, ягненочек мой. Она бывает у всех. И у меня была, когда я была такой же маленькой, как ты. – К несчастью, мальчугану сначала станет хуже и только потом полегчает.

– Три.

– Да, тебе три годика. И ты такой умный мальчик! – Элис ласково погладила его, не обращая внимания на боль в пояснице. Он был уже слишком тяжел, чтобы носить его на руках, как младенца; но невыносимо было смотреть, как он мучается, и ничем его не утешить.

– Смотрите! – вдруг сказал Гарри, подняв свою головенку, покрытую пушком персикового цвета, и указывая через плечо Элис в окно.

– Что там такое?

– Мама!

– Неужели? – с сомнением в голосе переспросила Элис. Подойдя к окну, она раздвинула занавеси.

Гарри взволнованно указывал в окно своим крошечным пальчиком, потом заглянул ей в глаза, впервые в этот день широко улыбнулся, показав мелкие белые зубки. Для Элис его улыбка была все равно что луч солнца, пробившийся сквозь облака. Она ласково посмотрела в его небесно-голубые глаза, на мгновение забыв о приближающейся карете. Когда Гарри улыбался, он становился так похож на ее брата Филиппа, что у нее на глаза наворачивались слезы.

– Мама! Мама! – закричал мальчуган, сильно пинаясь ногами и вытягивая шею, чтобы получше разглядеть далекую карету.

– Разве я не говорила тебе, что она едет? – поддразнила племянника Элис, скрывая облегчение – баронесса отнюдь не относилась к людям, на которых можно положиться. У нее была привычка то появляться в жизни своего ребенка, то исчезать из нее, руководствуясь собственными прихотями, но три дня назад Элис написала ей, предупреждая, что мальчик заболевает.

– Я пойду! – Гарри вывернулся из ее рук и торопливо засеменил к двери, таща за собой одеяло. – Мама! Мама!

Элис послушала немного, как крики ее племянника затихают в коридоре – мальчика перехватила его няня Пег Тейт, крупная крепкая женщина.

Он так сильно разволновался, ожидая увидеть эту блестящую незнакомку, его мать, что это чуть не разбило Элис сердце. Ему отчаянно хотелось сблизиться с матерью, но всякий раз, когда появлялась Кейро, она уезжала именно тогда, когда маленький Гарри начинал к ней привыкать. Мальчик оставался, выбитый из колеи и недовольный, а тревога Элис касательно ее будущего усиливалась. Она тихонько вздохнула, обернулась и долго смотрела на светлую просторную комнату, где проводила большую часть своего времени. Взгляд Элис переместился от большой затейливой клетки из окрашенного в белый цвет тростника, которую она смастерила для любимой канарейки, к круглому столу, за которым проводила долгие часы своей безоблачной деревенской жизни в Гленвуд-Парке, занимаясь разным рукоделием, весьма подходящим для молодой леди спокойного нрава. Но все же она не могла не чувствовать, что живет здесь как во сне, а настоящая жизнь проходит мимо.

Ее снедал голод по чему-то такому, чего Элис не могла определить; порой голод этот становился таким сильным, что она просыпалась по ночам. Элис разрывалась между преданностью племяннику и ведением хозяйства в Гленвуде, с одной стороны, и необходимостью жить своей жизнью – с другой. Но самое главное, Гарри нуждался в ком-то, кто был бы с ним здесь постоянно, а не только когда захочется. Поскольку его мать уклонялась от выполнения своего долга, таким человеком оказалась Элис.

Девушка сунула руки в карманы своего фартука и стояла неподвижно, солнце согревало ей лицо, блестело на светлых, рыжевато-золотистых волосах. Она попыталась избавиться от внутреннего напряжения, причинявшего ей боль, и принялась разглядывать вазу с сухими ветками цветущей камнеломки, которые она поставила туда накануне вечером. Цветы украшали середину стола. Рядом с ними лежали изящные шелковые кошельки, которые Элис вышивала как рождественские подарки для своих лондонских подруг, и ее изящные, покрытые черным лаком орудия труда, положенные так, чтобы Гарри не мог до них дотянуться. Последняя ее работа, затейливая шкатулка для драгоценностей, была наполовину готова. Все ее увлечения носили художественный характер, но в глубине души девушка сознавала, что в каком-то смысле то были просто способы отвлечься, унять свое беспокойство.

Услышав, как карета баронессы с грохотом остановилась, Элис, как полагается, подошла к окну, чтобы приветственно помахать рукой, но, взглядевшись, широко раскрыла глаза. Ее ждал неприятнейший сюрприз – то было не модное желтое ландо Кейро.

У подъезда стояла почтовая карета. Элис побледнела и прижала руку к губам, сразу же поняв, что это значит. Письмо. Всего лишь письмо! Она не приедет. Ей просто-напросто все равно. Осознав это, Элис сначала растерялась, а потом пришла в ярость.

Ее темно-голубые глаза сузились, а на бледном овальном лице, отражавшемся в окне, выразилась вся нерастроченная пылкость, которая скрывалась в ее душе за безмятежной внешностью.

Элис отошла от окна и направилась из гостиной в холл. Подойдя к парадной двери, она расплатилась с почтальоном и посмотрела на сложенное письмо, потом они обменялись тревожными взглядами с Пег, которая тоже вышла в холл, вытирая свои большие натруженные руки о передник.

Пег Тейт, няня Гарри, нянчила еще Элис и Филиппа, когда те были маленькими. Элис относилась к ней скорее как члену семьи, нежели как к прислуге. Но как ни была добросердечна Пег, даже она становилась скептиком, когда дело касалось леди Гленвуд.

– Должно быть, хорошие новости, – проворчала она.

– Это не от Кейро, – с натянутым видом сказала Элис, рассматривая письмо, – это от мистера Хаттерсли. – Хаттерсли был их лондонским дворецким, который заведовал элегантным особняком Монтегю в Лондоне.

– Ах ты, Господи, надеюсь, ничего не стряслось, – пробормотала Пег, и ее морщинистый лоб от волнения покрылся испариной.

По спине Элис пробежал холодок предчувствия. Она давно уже опасалась, что беспечная погоня ее невестки за наслаждениями закончится крахом.

– Где Гарри? – в смятении спросила она.

– Нелли его умывает, прежде чем он покажется своей маме.

Элис кивнула и сломала печать.

– «Дорогая мисс Монтегю, – тихо прочитала она, – получил ваше письмо позавчера. С сожалением сообщаю вам, что леди Г. вчера уехала из Лондона в обществе лорда Люсьена Найта». – Элис остановилась и удивленно посмотрела на Пег. – Люсьена Найта? А я думала, что это лорд Деймиен... Ах, Кейро! – Она тяжело вздохнула, сразу же поняв, что натворило это безответственное создание. Едва этой женщине удалось заинтересовать порядочного человека – человека, который стал бы превосходным отчимом Гарри, – как она все разрушила, умчавшись куда-то с его братом.

Элис до сих пор помнила разговор, состоявшийся у нее с невесткой некоторое время назад, когда Кейро впервые похвасталась, что обратила на себя внимание национального героя. Она упомянула, что у лорда Деймиена есть брат, полный близнец, лорд Люсьен, состоящий при дипломатическом корпусе. Демон и Люцифер – так назвала их Кейро. Элис хорошо это помнила, потому что баронесса вздрогнула и в глазах ее появилось странное зачарованное выражение. «Я никогда бы не стала иметь дело с Люсьеном Найтом, – сказала она тогда. – Он меня пугает». А великолепную леди Гленвуд мало что могло испугать!

– Что еще пишет мистер Хаттерсли? – трепеща, спросила Пег.

– Господи, я просто боюсь читать. – Элис поднесла письмо к глазам и продолжила: – «Они направились в загородный дом этого джентльмена, Ревелл-Корт, который, как я выяснил, находится в двенадцати милях от Бата. Ее милость не ждет раньше следующей недели. Поскольку баронесса приказала мне ничего вам не говорить, я не хочу вызвать какие-либо недоразумения. Жду совета. Ваш покорный слуга Дж. Хаттерсли».

Пег в недоуменном молчании почесывала щеку.

Некоторое время Элис молчала, уставившись в пол. Потом задумчиво огляделась и увидела, что старая женщина смотрит на нее и взгляд ее выражает терпеливую стоическую тревогу. Некоторое время она тоже, прищурившись, смотрела на Пег, потом резко сунула ей письмо и пошла к лестнице.

– Я отправляюсь за ней.

– Ах Господи, да ни в коем случае! – воскликнула Пег.

– Придется, этому скандальному поведению нужно положить конец. Немедленно.

– Но этот человек с вами не знаком, он негодяй, вот чего я боюсь! Если ее милости угодно вести себя так безобразно, это ее дело.

– И мое тоже! Разве я не обещала Филиппу в его смертный час, что позабочусь о них – о них обоих? Гарри необходима мать, а Кейро необходимо вернуться домой. Неужели вы в самом деле думаете, что она нужна этому человеку?

Пег с сомнением пожала плечами.

– И я тоже этого не думаю. Скорее всего на этот раз она оказалась замешанной в какое-то мелкое соперничество между братьями. – Элис помолчала. – И потом, вы же знаете: если в конечном счете разразится скандал, это отразится и на моей репутации тоже.

– Но Бат так далеко, милая барышня!

– Отсюда всего лишь один день езды. Я хорошо знаю дорогу. Я довольно часто там бывала. – Элис посмотрела на французское окно в белой изящной раме, похожей на причудливые прутья клетки ее канарейки. Осмелится ли она вылететь отсюда в просторный и опасный мир?

Элис знала, как на это ответил бы Филипп – решительным отказом. Ее брат сказал бы, что это невысказано – для прилично воспитанной молодой леди проехать пол-Англии без охраны родственника мужского пола или по крайней мере без опеки старшей дамы, но на данный момент у Элис не было выбора. Кроме того, только решительными действиями можно было предотвратить надвигавшийся скандал, который Кейро спровоцировала своим опрометчивым поступком.

Элис повернулась спиной к обеспокоенной Пег.

– Погода прекрасная, и если я уеду прямо сейчас, то к ночи буду на месте и завтра вечером привезу Кейро домой. Все будет хорошо, – твердо сказала она с самоуверенностью, которой отнюдь не ощущала. – Митчелл повезет нас, а Нелли

будет меня сопровождать.

– Ах, милочка моя, – грустно сказала Пег, – мы с вами отлично знаем, что здесь она только будет мешаться. Мы спокойно обойдемся без нее.

В это мгновение из коридора, ведущего на кухню, появился Гарри. Он налетел на юбки Пег и прижался к ней, потом поднял голову и посмотрел на Элис, стоявшую на лестнице.

– А где мама?

Элис ласково улыбнулась ему. Как ей было больно!

– Она потерялась, ягненок. – Девушка и Пег обменялись многозначительными взглядами. – Но я знаю, где ее найти, и сразу же привезу домой. Обещаю.

– Я тоже поеду!

– Нет.

– Не чешитесь, – проворчала Пег, отводя его руку от головы. Он зашипел и зафырчал на нее, точно рассерженный котенок.

Глядя на его рассерженное личико, испещренное красной сыпью, Элис разрывалась надвое. Невыносимо было оставить ребенка в таком состоянии даже ради того, чтобы найти его заблудшую мать, но она понимала, что Кейро ни за что не приедет домой до тех пор, пока Элис не предстанет перед ней лично и не заставит ее поступить как должно. Она знала, что благодаря Пег ей нечего опасаться за благополучие Гарри. За свои шестьдесят с лишним лет Пег Тейт довелось ухаживать за множеством детей, болевших ветрянкой и страдавших более серьезными недугами, и она знала больше обо всем этом, чем весьма самоуверенный здешний врач.

– Ну, стало быть, – сказала старая женщина, приглаживая взъерошенные волосы Гарри, – чем скорее вы тронетесь в путь, тем скорее вернетесь. Я велю Митчеллу готовить лошадей. – Она наклонилась, подняла мальчугана, обняла его своими мясистыми руками и запела шутивную песенку, чтобы отвлечь его от

неприятных переживаний.

Подхватив юбки, Элис помчалась вверх по лестнице в свою комнату. Быстро и ловко она упаковала в сумку все, что понадобится ей на ночь, потом сняла передник и утреннее платье и надела красивое дорожное платье из темно-синего тонкого сукна. У платья были длинные узкие рукава, приспособленные у плеч, а подол украшала красивая лента.

Подойдя к зеркалу, Элис аккуратно застегнула лиф с высоким воротником, нахмурилась, заметив, что руки у нее слегка дрожат. Она не привыкла путешествовать одна, а таинственный соблазнитель Кейро пугал ее. Пожалуй, ему не понравится, что она так скоро явится в Ревелл-Корт, чтобы вырвать свою невестку из его объятий. Элис не отличалась особой смелостью, но она знала, что вынесет все ради Гарри.

Натянув строгие белые перчатки, девушка внимательно посмотрела в зеркало и расправила плечи, готовясь к бою. «Наслаждайтесь вашими выходками, леди Гленвуд, ибо скоро им придет конец. Что же до вас, лорд Люсьен Найт, кто бы вы ни были, готовьтесь к большим неприятностям!»

Глава 2

Прошла тысяча часов – по крайней мере так казалось Элис, – а она все сидела в подпрыгивающей карете, напряженно вцепившись холодной вспотевшей рукой в кожаную петлю. Они так и не достигли места, куда направлялись. Полная луна вела их по ухабистой петляющей дороге мимо торфяных болот, словно лукавый факельщик с фонарем – один из тех сомнительных лондонских уличных пострелят, которые за монету сопровождают пешехода домой по городу после наступления темноты, но с таким же успехом могут доставить прямо в воровское логово.

Девушка то и дело выглядывала из окна, будучи в полной уверенности, что она и двое ее слуг наткнутся в этом уединенном месте на разбойников. Они безнадежно заблудились среди Мендинских холмов, далеко от всяких признаков цивилизации: то карета двигалась вверх по очередному склону сквозь дубовые и буковые леса к дикой, продуваемой ветром вересковой пустоши вроде той,

которую они пересекали сейчас; потом опять вниз, в глубокое ущелье или ложбину, потом снова и снова вверх и вниз. Уставшие лошади спотыкались, тянули из последних сил, ночной воздух окутывал их липким сырым холодом; и все гадали, сколько им еще быть в пути. Единственное, в чем Элис не сомневалась, так это в том, что она просто свернет Кейро шею за все свои мучения.

Они обменялись мрачными взглядами с испуганной Нелли, горничной, и хотя ни одна не проронила ни слова, обе женщины подумали, что им следовало бы заночевать в Бате.

Элис уже начала сомневаться, не нарочно ли солгал ей метрдотель в элегантной кондитерской «Памп рум», где они остановились выпить чаю, сказав, что Ревелл-Корт расположен всего лишь в пятнадцати милях к юго-западу. Может, то было всего лишь его воображение, но ей показалось, что она заметила неодобрительное презрение в его взгляде, когда она спросила, как туда проехать. Из-за того, что торопились и к тому же были уверены, что преодолеют это расстояние за два часа, они единодушно решили ехать дальше, несмотря на то что октябрьское солнце уже село.

Теперь же, когда ночь с каждым мгновением становилась все темнее, она поняла, что если им все-таки удастся найти Ревелл-Корт, то придется провести ночь там, приняв гостеприимство Люсьена Найта – если, разумеется, он им его окажет. Кто может сказать наверняка, чего ожидать от человека, который соблазнил избранницу брата? Элис уповала только на то, что он не настолько жесток, чтобы отправить путешественников обратно в глухую ночь, потому что и она, и ее слуги умирали с голоду и безмерно устали после целого дня езды по английским дорогам.

Вспомнив день, проведенный в пути, Элис покачала головой. После того как они выехали из Бата, путешественники, встреченные на дороге, показались им весьма странными. Почти двадцать экипажей – безвкусные, яркие или элегантные – проехали мимо них с головокружительной скоростью, при этом все пассажиры казались либо безумными, либо пьяными. Взрослые люди, мужчины и женщины, принялись строить им рожи, как испорченные дети, когда кареты их, накренившись, пролетали мимо; пассажиры высовывали языки и выкрикивали насмешливые оскорбления. Элис молча покачала головой, все еще пребывая в недоумении.

Дорога спускалась в очередную мрачную долину. Выглянув в окно, девушка смотрела на деревья, четкие лохматые силуэты которых раскачивались в небе цвета индиго. Лунный свет озарял жуткие и величественные известняковые утесы, так что они казались белыми, точно кости, а ненадежная дорога парила над лесом, лепясь над кручей по склону отвесной горы. С другой стороны дороги зияла темная пустота. Элис передвинулась на край сиденья и смотрела вниз поверх головокружительной крутизны на лесистую лощину. «Бросишь туда камень – и он будет падать бесконечно», – подумала она. В то время как ее взгляд пронзал глубочайшие тайники черного бездонного леса, она внезапно увидела отблеск далекого огня.

– Там свет! Нелли, вы видите? Вон там, в долине! – взволнованно указывала девушка. – Вон там!

– Да, я вижу! – воскликнула горничная, хлопая в ладоши. – Ах, мисс Элис, наконец-то Ревелл-Корт! Должно быть, это он!

Сразу же воспрянув духом, девушки окликнули Митчелла, кучера, который в унынии трясся на козлах. Увидев огонь, который горел в долине, как сигнальный костер, он тоже испустил радостный крик:

– Клянусь Юпитером, мы будем там через десять минут!

Даже лошади побежали резвее, вероятно, почуяв приближение конюшни. Элис показалось, что в тело ее вливается новая жизнь. Она поспешно порылась в своем ридикюле, вынула гребни и попыталась привести в порядок волосы.

– Ах как хочется залезть в теплую постель! – с жаром сказала она. – Я буду спать до полудня!

– Фи, постель! Мне уже два часа как нужно сходить в туалет, – возразила горничная шепотом, застегивая накидку на своей пышной груди.

Элис фыркнула. Они спустились в долину, карета запрыгала по крепким бревнам деревянного моста над маленькой быстрой речушкой. Девушка отпрянула, увидев водопад, срывающийся по уступам дикого камня. Ниспадая потоками в молочно-белой пене, вода сверкала в лунном свете, закручиваясь и разбухая под мостом бесчисленными миниатюрными завитками.

– А вон и дом! – воскликнула Нелли, указывая на освещенное окно.

Элис нетерпеливо посмотрела туда. Вдали возвышались огромные высокие чугунные ворота, чьи грозные колонны увенчивались вставшими на дыбы каменными конями. За воротами на дворе озабоченно суетились слуги в бордовых и желто-коричневых ливреях возле дюжины экипажей, выстроившихся у подъезда. «Кажется, у хозяина прием», – смущенно подумала Элис, которой показалось, что она узнает некоторые из экипажей, встреченных сегодня на дороге. Дом был покрыт плющом и выстроен из красного кирпича в стиле Тюдоров; он охватывал двор полукружиями двух больших флигелей с фронтонами, которые симметрично выступали из его торцов, и их стены из окон отражали блеск огромного факела, который стоял посреди мощеного двора в железном светце.

Это-то огненное колесо и поманило их издали, поняла Элис. И, глядя на пляшущее пламя, которое корчилось и взметалось в черное бархатное небо, она вдруг испытала странное чувство уверенности в том, что неведомый предмет, которого потаенно жаждет ее сердце, находится очень близко. Потом ее замешательство превратилось в страх, потому что около дюжины вооруженных стражников – крупных, угрожающего вида мужчин в черных плащах – материализовались из мрака и направились к ее карете, и каждый держал наготове ружье. Грубыми криками они приказали ее кучеру остановиться.

Появление вооруженной стражи было для Митчелла такой же неожиданностью, как и для Элис, но поскольку люди лорда Люсьена кричали, что он должен развернуть карету и уезжать, негодование Элис очень быстро пересилило страх. Не сказав ни слова, она выпрыгнула из экипажа и направилась защищать своего кучера. Она была слишком раздражена, возмущена, голодна после напряженного дня, чтобы согласиться на такое обращение со стороны прислуги. Не обращая внимания на просьбы, больше походившие на завуалированные приказания убираться обратно в карету, она, стоя на холоде, вступила в пререкания, продолжавшиеся с четверть часа. Оказалось, что существует список гостей, а ее имени, разумеется, в нем нет. Но то было всего лишь начало. Когда Элис сказали, что она должна назвать пароль, если хочет войти в дом, она подбоченилась и произнесла резко и возмущенно, не скрывая насмешки:

– Слушайте-ка, я не имею никакого отношения к таким вещам, как пароли и тайные рукопожатия. Видит Бог, приехать сюда за леди Гленвуд меня вынудило

срочное дело – у нее серьезно болен ребенок. Позвольте мне выразиться откровенно, леди Гленвуд – любовница лорда Люсьена. Если вы не дадите мне увезти ее – если вы заставите меня уехать, – она придет в негодование. Она набросится на вашего хозяина, а лорд Люсьен, в свою очередь, набросится на вас. Вы этого хотите? Я слышала, что он из тех, кто не терпит, когда ему перечат.

– Ага, мэм, этого-то мы и боимся. Идите сюда, ребята, – нерешительно сказал главный. Сердито ворча, стражи отошли и принялись совещаться.

Элис чувствовала на себе тревожные взгляды Нелли и Митчелла, но все ее внимание было устремлено на стражей, она пыталась подслушать, о чем они беседуют. Она сказала себе, что не уедет отсюда без Кейро, и упрямо вздернула подбородок.

– Горячая дамочка, верно? – прошептал первый стражник.

– Она не из этих, я ее никогда здесь не видал, – ответил второй.

– Ясное дело, ты ее не видал. Ты посмотри на нее. Она же совсем невинная, – пробормотал крупный малый со шрамом на лице. – Слушайте, давайте пропустим ее.

– Если мы ее пропустим без пароля, он нас просто убьет! – резким шепотом проговорил второй.

– Но она же говорит, что его полюбовница – ей родня! Если мы завернем эту девчонку обратно, он нас точно убьет за такое дело!

– Вот черт, – проворчал парень со шрамом, – ему не угодишь!

Очевидно, лорд Люсьен вызывал у прислуги ужас, но именно потому что они боялись впутать его в неприятности с его любовницей, они в конце концов решились пропустить Элис и ее слуг в ворота. Элис не понравилось, что Нелли и Митчелла отделили от нее и поспешно увели в помещение для прислуги, но возражать она не осмелилась, опасаясь, что ее вообще не пропустят. Могучий стражник со шрамами провел ее в господский дом и передал на попечение

сурового седовласого дворецкого, мистера Годфри.

Пока сторож тихим таинственным голосом давал дворецкому какие-то указания касательно Элис, та бросила взгляд на пустые темные комнаты, примыкавшие к украшенному богатой резьбой холлу, и пришла в еще большее недоумение.

Где же все гости? На первом этаже царила жуткая тишина, и в просторных комнатах не горело ни одной свечи. Здесь происходит нечто весьма странное, подумала девушка. Она ведь видела множество экипажей и целую армию слуг, она лично просмотрела лист с именами приглашенных, стало быть, лорд Люсьен, несомненно, устраивает сегодня вечером прием; но в доме не чувствовалось никаких признаков жизни. Тут она услышала отрывок из разговора между дворецким и стражем, от которого ее любопытство разгорелось еще сильнее.

– Проследите, чтобы она оставалась в своей комнате. Ей не следует спускаться в Грот.

– Понимаю, мы доложим его милости о приезде молодой леди завтра утром.

Элис быстро обернулась и внимательно посмотрела сначала на одного, потом на другого. Мистер Годфри, заметив, что на него смотрят, поклонился.

– Пожалуйте сюда, мисс Монтегю, – добродушно проговорил он. – Я покажу вашу комнату.

И, вынув из настенного держателя подсвечник с несколькими свечами, он взял сумку Элис и повел ее наверх по темной дубовой лестнице, на столбах которой стояли прекрасно вырезанные из дерева статуи рыцарей и святых. Большой портрет знатного человека в дублете и брыжах по моде XVI века с надменным видом смотрел с площадки, где лестница делала поворот. У человека были пронцательные серо-стальные глаза и едва заметная хитрая улыбка. Казалось, он разглядывал Элис, когда та проходила мимо.

– Кто это? – спросила она, с трепетом глядя на портрет.

– Это первый маркиз Карнартен, мэм. Он выстроил этот дом, чтобы жить здесь во время охотничьих сезонов. – Мистер Годфри испустил долгий тревожный

вздых, но больше ничего не сказал.

Озираясь в полумраке, Элис шла за ним по скрипящим ступеням и темному коридору. Они поднялись по другой лестнице, поскромнее, на третий этаж и, пройдя по лабиринту поворотов, вышли наконец в коридор, где мистер Годфри достал тяжелое кольцо с ключами, отпер дверь и открыл ее перед Элис.

– Ваши апартаменты, мэм. Не желаете ли поужинать?

– Ну конечно, благодарю вас. Я просто умираю с голоду.

Пол комнаты покрывал толстый персидский ковер, здесь же стояла кровать под пологом, а над ней располагался прекрасный лепной потолок. В камине уже горел огонь, словно приезда Элис кто-то ждал. Пока мистер Годфри ходил по комнате и зажигал свечи, из темноты проступили очертания огромного гардероба в елизаветинском стиле. Элис посмотрела на него, а потом на дворецкого, не в силах скрыть свое любопытство.

– Мистер Годфри, а что, леди Гленвуд ушла в Грот? – с невинным видом спросила она.

Дворецкий, который зажигал два развесистых канделябра, стоящих на камине, обернулся через плечо с видом настороженного удивления.

– Да, мисс, некоторое время назад.

– Она там с лордом Люсьеном?

– Полагаю, что так.

Она улыбнулась ему очаровательной улыбкой.

– А мне тоже можно туда пойти?

– Тысяча извинений, мисс, но, к сожалению, это невозможно.

Элис опустила глаза, отказ ее не удивил, но она всегда была существом настойчивым.

- Почему же? – равнодушно поинтересовалась она.

- Это не понравится хозяину. Список э-э... гостей очень избирателен.

- Понятно, в таком случае не пошлете ли вы сообщить леди Гленвуд, чтобы она пришла сюда ко мне?

- Я попытаюсь, но обычно гости его милости не любят, чтобы их беспокоили, когда они в Гроте.

- Интересно, почему?

- Я не знаю, – вежливо ответил дворецкий.

Элис усмехнулась. Лучшего дворецкого просто не придумаешь – скрытный и преданный своему господину.

- Благодарю вас, мистер Годфри.

На его морщинистом лице выразилось облегчение.

- Очень хорошо, мисс. Сейчас придет кто-нибудь из прислуги, принесет вам ужин и вино. Если вам понадобится что-то еще, потяните за эту ленту. Это звонок. Всего хорошего. – Он поклонился и закрыл за собой дверь.

Когда дворецкий ушел, Элис обошла комнату, рассматривая ее тонущие в сумраке углы. Какое странное место! Усталость, вызванная долгим путешествием, исчезла, уступив место девичьему любопытству. Крадучись она подошла к огромному гардеробу и осторожно отперла его. Потом распахнула деревянную дверцу, и та громко скрипнула в тишине. Заглянув внутрь, девушка увидела, что там висит всего лишь одно одеяние. Она вытащила его и расправила перед огнем, чтобы лучше рассмотреть.

Это оказалось церковное облачение, сутана вроде тех, что носили средневековые монахи – странствующие или жившие в монастырях, только эта была совсем новая и чистая. У нее были широкие объемные рукава, большой капюшон и пояс из веревки. Неожиданно Элис услышала взрыв смеха. Несколько человек прошли по коридору за ее дверью. «Ага, не все гости исчезли», – подумала она. Услышав, что голоса удалились, она поспешила к двери, открыла ее и выглянула в коридор. Несколько человек, одетых в длинные одеяния с капюшонами, вроде того, что висело в ее гардеробе, проскользнули мимо. Когда они исчезли в сумрачном коридоре, Элис тихонько закрыла дверь, задумчиво покусывая губу. Вот, значит, для чего эта сутана. Очевидно, вечеринка лорда Люсьена – это что-то вроде костюмированного бала. Легкое недовольство выразилось на ее лице при мысли о том, что Кейро, как всегда, развлекается вовсю, а ей остается только скучать.

Немного раздраженная несправедливостью жизни, Элис сняла свое дорожное платье и надела удобное утреннее. Потом распустила волосы и расчесала их. Вскоре горничная принесла поднос с ужином, и Элис принялась за роскошную еду – миндальный суп с горячим хлебом, говяжье филе с грибами, абрикосовый пудинг, – запивая ее стаканом прекрасного бургундского. После чего девушка лениво прилегла на просторную кровать и задремала, ее длинные волосы раскинулись по подушке, тело уютно согрелось от вина. Элис положила голову на руку, глядя на отблески каминного огня и поджидая с нарастающим нетерпением, когда же мистер Годфри приведет к ней Кейро.

Она уже начинала беспокоиться. Может быть, дворецкий забыл о ее просьбе или решил проигнорировать ее? Элис хорошо знала свою невестку. Если Кейро пошла на костюмированный бал, она выпьет лишнего, и у нее разболится голова, и в результате баронесса не сможет пуститься в дорогу завтра на рассвете, а именно так они должны поступить, если хотят вернуться в Гэмпшир засветло, как обещали. Ну ладно же, подумала Элис, рывком садясь на кровати с решительным выражением на лице, если слуги лорда Люсьена не намерены привести к ней Кейро, она возьмет и отправится на маскарад и сама найдет баронессу. На ней надето простое утреннее платье, волосы свободно распущены по плечам – конечно, так не годится появляться на людях, но все это можно скрыть под монашеским одеянием. И потом, она ведь войдет только на минутку, размышляла Элис, чтобы отыскать Кейро.

Спустя несколько минут девушка выскользнула из своей комнаты, и ее синие глаза блеснули из темной глубины коричневого капюшона. Никем не

замеченная, она тихонько прокралась по коридору в том же направлении, куда ушли остальные гости; сердце ее билось от такого забавного приключения, а отчасти из-за вина. Жаль, что с ней нет ее подруги, Китти Паттерсон, они бы смеялись на каждом шагу, как школьницы, сбежавшие с урока. А если быть честной, то этот дом, похожий на лабиринт, вызывает оторопь.

Пробираясь вперед в одиночестве, Элис исследовала паутину тускло освещенных коридоров, несколько раз свернула не туда, прежде чем отыскала вторую, меньшую лестницу, по которой мистер Годфри привел ее сюда. Она спустилась по ступенькам и заглянула в разные коридоры; наконец заметила великолепную лестницу из темного дуба, на площадке которой висел портрет маркиза. Казалось, он лукаво подмигивал ей с видом заговорщика, пока Элис спускалась вниз, закусив губу, чтобы сдержать нервный смех. В вестибюле у подножия лестницы лакей в бордово-желтой ливрее внимательно посмотрел на нее. Она глубже спрятала голову в просторный капюшон, пряча лицо.

- В Грот, мэм? - вежливо спросил он, не узнав ее.

Элис кивнула. Пальцем в белой перчатке он указал вперед и влево по коридору. Заметив мистера Годфри, который делал выговор одному из слуг в соседней комнате, она поспешила дальше, пока никто не обнаружил ее исчезновения из спальни. В конце следующего коридора ждал еще один лакей; он также указал ей дорогу. Третий лакей, рядом с которым она оказалась, открыл перед ней скромную с виду деревянную дверь и жестом указал на темноту, простирающуюся за дверью.

- Сюда, мэм.

Элис в смятении приблизилась к черному, точно деготь, проходу, потом с сомнением посмотрела на лакея. Он, конечно, шутит? Но его любезная улыбка не исчезла. И Элис заглянула за дверь.

Узкая лестница вела вниз. Девушка решила, что это винные погреба, находящиеся под Ревелл-Кортом. Внезапно из недр дома до нее донеслись обрывки смеха, и она поняла, что это действительно дорога к Гроту. Господи, дело принимало непредвиденный оборот! Слабый голосок у нее в голове посоветовал повернуть обратно, но она решила во что бы то ни стало отыскать Кейро. Элис взяла себя в руки и ступила на лестницу.

Сразу же кожу ее лизнул влажный холодок, похожий на липкий поцелуй царевны-лягушки. Держась за перила, Элис спустилась в темноту. Она успела сделать всего несколько шагов, как осознала, что где-то раздается неумолчный, шелестящий шепот; шепот казался знакомым, но она никак не могла понять, что это такое. Когда она добралась до земляного пола погребца, никакого смеха уже не было слышно, только очередной любезный лакей в ливрее стоял на посту у зияющего входа в пещеру. Он поклонился Элис и широким жестом указал на этот вход.

По спине Элис пробежал холодок. Что же это за человек, с которым связалась ее невестка? Кейро описывала Люсьена Найта как светского, искушенного, опасно хитрого *charge d'affaires*[4 - Поверенный в делах (фр.)], который говорит на шести или семи языках, но кем же нужно быть, чтобы расставить по всему дому целое войско вооруженной охраны, требовать пароля у ворот и устраивать вечера в подземной пещере? Элис понимала, что ей следует повернуть обратно, но тихий шепчущий звук увлекал ее вперед. Сердце у нее гулко забилося, и она медленно вошла в пещеру.

На стенах горели факелы, освещая там и сям поблескивающие сталактиты, похожие на огромные зубы дракона. Пройдя в пещеру глубже, Элис услышала, что таинственный звук стал громче; потом она почувствовала бодрящий свежий запах воды и внезапно поняла, что это такое – подземная река. Она ведь видела водопад, вырывающийся из-под скалы, когда ее карета ехала по деревянному мостику. Ее предположение подтвердилось, когда она, пройдя по изгибу тоннеля, оказалась на берегу. Наконец-то она увидела людей. На этот раз лакеи помогали гостям, одетым в сутаны, садиться в нарядные гондолы. На носу каждой игриво выгнутой лодки пылал факел, отражаясь в блестящей ониксовой поверхности подземной реки. Один из слуг жестом пригласил Элис сесть в лодку.

– Прошу вас, мадам, поторопитесь. Мы можем посадить вас вот сюда, – отрывисто сказал он.

Элис колебалась; сердце у нее бешено билось. Если она сядет в эту гондолу, у нее, конечно же, больше не будет никакой возможности повернуть обратно. Но тут люди в лодке стали звать ее так же громко и нетерпеливо, как делали это тогда, на дороге.

– Поторопитесь!

– Вы что, мадам, потеряли голову?

– Что вы там стоите? Мы и так уже опаздываем!

Элементарное упрямство не позволило ей обратиться в бегство. Не смея подумать о том, что сказал бы об этом ее дорогой брат, Элис бросилась вперед и, опершись о руку слуги, взошла на борт гондолы. Когда она уселась, лодочник оттолкнулся шестом и медленно повез пассажиров в глубину известняковых пещер. Элис подобрала под себя ножки в туфельках и скромно сложила руки на коленях.

– Теперь мы еще больше опоздаем, – сердито проговорил кто-то у нее за спиной.

Элис беспокойно оглянулась. Ее охватили страх и тревога, но теперь уже было поздно.

– Ну и ладно, – сказал, слитно выговаривая слова, дородный пьяница, сидевший рядом с ней. Низенький и лысеющий, он походил на брата Тука, монаха из сказаний о Робин Гуде; широкая бурая сутана плотно обтягивала его бочкообразный живот. – Мы, наверное, пропустили службу, но лично я пришел на вечеринку.

– Службу? – удивилась Элис, с трепетом глядя на него.

Он ей улыбнулся. Веки у него набрякли от усердных возлияний.

– А вы? – спросил он, вызывая девушку на разговор. – Вы любительница наслаждений или искренне верующая?

Элис настороженно посмотрела на него и молча отодвинулась подальше. Гондола изящно скользила по чернильно-черной воде. Элис не имела обыкновения разговаривать с людьми незнакомыми, в особенности с пьяными мужчинами, с вождедением смотрящими на нее. Кроме того, приходилось скрывать, что она понятия не имеет, о чем идет речь.

Он рассматривал ее, и в его маленьких глазках мелькнула пронизательная искра.

– Можете звать меня Орфеем.

Он говорил, твердо произнося «р» и акцентируя гласные, как американец, что было странно, поскольку Англия и Америка находились в состоянии войны. Газеты сообщали, что британские суда все еще блокировали залив в Новом Орлеане, как это было начиная с 1812 года. В эту минуту ее внимание привлекли летучие мыши, пролетевшие над головой. Она быстро подняла голову и, скривившись, обхватила себя руками, но тут же поняла, что с Орфеем следует быть поосторожнее – он придвинулся к ней с легкой похотливой усмешкой.

– Вы ведь новенькая, не так ли? Робкая крошка. И молоденькая, – прошептал он, кладя руку ей на бедро.

Она с такой силой рванулась от него, что лодка накренилась на бок.

– Сэр!

Орфей убрал руку и засмеялся.

– Не бойся, крошка, я знаю правила. Сначала тебя попробует Дракон. – Он вытащил флягу из недр своего плаща и откупорил ее. – За Дракона, Аргуса, Просперо – Властелина Иллюзий и Господина Лжи, – сказал он цинично. – Не сомневаюсь, ты ему понравишься!

Элис потрясенно смотрела на этого человека.

– Кому? – вырвалось у нее.

– Как кому, дорогуша? Люциферу. Кому же еще?

Она судорожно втянула воздух. Сердце у нее билось тяжело и быстро. Лодочник остановил гондолу у слегка покато́й площадки. Кажется, будет весьма неосторожным выйти из лодки; но спутники Элис весело сошли на площадку. Они выходили из гондолы и поднимались по неглубоким ступенькам, вырезанным в известняке и ведущим к низкой полукруглой дверце.

– Пошли, малышка, пошли. Не мешкай! – Орфей схватил ее за руку и потащил следом за остальными.

Элис зажмурилась от отвращения, увидев резьбу, украшающую полукруглую дверцу и изображающую веселого, похожего на гнома Приапа, древнегреческого бога мужской плодовитости, совершенно обнаженного, с широкой ухмылкой и забавно гипертрофированным фаллосом. Приап был изображен с пальцем, прижатым к губам, словно он призывал всех входящих в эту дверь хранить тайну.

– Он очень похож на меня, тебе не кажется? – спросил Орфей, фыркнув; тут человек, шедший впереди, открыл дверь.

Из подземной огромной пещеры, расположенной за дверью, донеслись музыка и громкие голоса. Музыка поразила Элис. Наполовину она состояла из монотонного пения, наполовину из барабанного боя под яркие удары цимбал и низкое жужжание экзотических турецких инструментов. Из сырой черноты за открытой дверью наплывал запах ладана.

– Пошли, синие глазки! – игриво пригласил Орфей.

Конечно, идти за ним в эту черноту было глупо. Элис ощущала, что здесь опасно, но не идти было нельзя – ведь она знала, что где-то здесь находится ее невестка. Во что бы ни впуталась Кейро, было ясно, что именно она, Элис, должна вытащить ее, как это уже бывало не раз. Пряча лицо в капюшоне, девушка призвала на помощь всю свою храбрость и последовала за дородным американцем в полукруглую дверь.

То, что она увидела внутри, заставило ее похолодеть и застыть на месте. Это мгновение она запомнит до конца дней своих; оно разделило ее жизнь надвое: ее наивное существование до Ревелл-Корта – и после; в это мгновение у нее открылись глаза на существование другого мира, мира тайн.

Мира Люсьена.

Запах ладана наполнял ноздри. Повсюду среди светящихся сталактитов горели свечи. Элис пыталась обрести ясность сознания; она была потрясена гротесковой сценой, которая открылась перед ней в огромном пространстве

пещеры; казалось, это ожили картины Иеронима Босха. Завораживающая музыка омывала ее змеиными чарами, убаюкивала чувства, отупляла удивленное сознание.

Она наконец поняла, что никакой это не костюмированный бал.

– Пошли! – нетерпеливо проговорил Орфей и повел ее по ступенькам, вырезанным в ноздреватом песчанике, вниз, в огромную подземную пещеру, которая кишела людьми в сутанах, смотревшими с благоговением на огромного, высеченного из песчаника отвратительного зубастого дракона. Каждая чешуйка была тщательно вырезана. В провалах его глаз сверкали жаровни с красными углями. Раскрытая пасть была размером с человека, и из ее черных недр в большую пещеру струились пузырящиеся горячие потоки. Потоки природной горячей воды вытекали, закручиваясь, и из ноздрей дракона, словно в любой момент чудовище могло дохнуть огнем. Горячие потоки превращались в мелкие ручейки и сбегали в хрустальный бассейн, совсем как в Бате. Бассейн украшали мозаика из изразцов и свободно стоящие коринфские колонны, которые, вероятно, были помещены сюда еще древними римлянами.

Никогда в жизни Элис не видела столько обнаженных тел. Она изумилась, с какой быстротой ее потрясение и моральное негодование сменились чисто художественным интересом. Вероятно, дело здесь было в ее страсти к искусству, в особенности к изображению человека. Хотя многие погружались в воду нагими, большинство были еще одеты, и различия между людьми скрывали бурые сутаны. Некоторые для полной анонимности были в масках, но все казались занятыми в представлении, которое разворачивалось на похожей на сцену платформе, устроенной на спине змея, вырезанной с очевидной целью – походить на седло. Главным предметом на сцене был каменный алтарь, позади которого стоял бледный молодой человек, чью высокую худощавую фигуру окутывало одеяние священника. Опустив руки, он пел на каком-то незнакомом языке – возможно, то был просто набор звуков – чистым, как свирель, голосом. Присутствующие принимали участие в этом издевательстве над церковной службой, отвечая ему через равные промежутки времени. Элис в смятении содрогнулась.

Когда они подошли к подножию лестницы, Орфей сразу же принялся проталкиваться сквозь густую раскачивающуюся толпу. Элис коснулась его плеча.

– Мне нужно найти леди Гленвуд! – крикнула она, перекрывая громopodobные удары барабанов. – Вы ее знаете?

– Никаких имен, крошка! – Серdito посмотрев на нее, он огляделся, словно желая убедиться, что никто не слышал Элис, а потом наклонился к ней поближе. Она немедленно отметила, что теперь он вовсе не кажется пьяным. – Никогда не произносите здесь ничьих настоящих имен, – резко сказал он. – Господи, вы ведь новенькая, да? Нет, я не знаю эту женщину. А теперь идите за мной и ни с кем не разговаривайте, иначе попадете в очень неприятное положение.

Элис, получив выговор, подчинилась и пошла за Орфеем, который пробирался в толпе, состоявшей, как она прикинула, примерно из сотни человек. Она всматривалась в море лиц, ища Кейро, а Орфей занял позицию в середине толпы. Они остановились и повернулись к сцене. Мелодичный голос бледного молодого человека зазвучал громче. Гости отвечали в унисон; Элис не понимала их слов, но чувствовала, как в голосах нарастает ожидание. Произнеся еще несколько причудливых заклинаний, бледный человек снова повернулся к собравшимся, подняв руки. Быстрота произносимых им непонятных слов и резкость его звучащего в нос тенорка нарастали вместе с возбуждением толпы.

– Дракон!

При звуках этого имени ударили цимбалы. Огни вспыхнули в жаровнях на концах сцены – это помощник священника разжег угли масляной лампы. Хор и глухое жужжание смолкли, но барабаны все еще били, хотя и не так громко, и все вокруг тихо твердили:

– Дракон, Дракон!

В конце сцены распахнулась двустворчатая дверь. Элис, вглядываясь, встрепенулась. Высокая сильная фигура выплыла из открытой двери и прошла по сцене, лицо же было скрыто низко надвинутым капюшоном плаща из черного шелка. Плащ вздымался вслед идущему с каждым его решительным шагом. Он вышел на середину сцены с грацией огромной черной пантеры. Блестящая ткань отражала мерцание огней, которые словно ласкали его, когда он шел мимо. Впереди плащ был распахнут, были видны черные панталоны и сапоги и свободная белая рубашка с глубоким присборенным V-образным воротом, частично открывавшим загорелый скульптурный торс. Элис с удивлением

смотрела на этого человека. Дракон остановился и повернулся к толпе. Когда он вытянул крупные, невероятно изящные руки, из-под рукавов плаща показались белые кружевные манжеты. Элис не могла оторвать от него глаз.

Хотя его глаза и верхняя часть лица были затенены капюшоном, девушка очарованно смотрела на его квадратную точеную челюсть и сильный подбородок. Тут человек заговорил, и его глубокий, завораживающий голос прокатился над толпой, наполнив собой всю пещеру.

– Братья и сестры!

Раздался рев восхищенных голосов.

– Мы собрались здесь сегодня, чтобы приветствовать двух новых посвященных, вступивших в наше весьма мерзкое и бесстыдное общество. – Услышав эти оскорбления, толпа отвечала бешеными приветственными криками; легкая улыбка показалась на мгновение на его лживых губах. – Их испытали и испробовали старейшины, как и всех вас, – промурлыкал он, – и сочли достойными. Новопосвященные, выйдите вперед, вам предстоит пройти заключительный обряд. – Он сдвинул с головы капюшон, явив присутствующим воплощение пылающей и сатанинской мужской красоты.

У Элис дух захватило, она была очарована, в ней зрело предчувствие чего-то судьбоносного, что должно произойти в ее жизни. Люсьен Найт. Достаточно было один раз взглянуть на него, чтобы понять, кто это. У него было самоуверенное лицо патриция и дерзкого авантюриста, серебряные глаза, сверкающие как бриллианты. Блестящие пряди его волос обрамляли загорелое лицо и порочную белозубую улыбку.

Но тут Элис ахнула – две обнаженные женщины вскарабкались на сцену и поползли к нему на четвереньках. Господи, только бы это не была Кейро! Женщины замерли у его ног, и Элис чуть было не упала в обморок, поняв, что ее невестки среди них нет. Дракон положил руку на голову каждой и начал творить заклинания на том же непонятном языке, на котором пел бледный молодой человек. Женщины стонали, непрерывно лаская его. Элис видела, как руки их двигаются по его крепкому гибкому телу, словно они не могли насытиться, и в ее наивное сознание начала проникать чувственность Грота, от которой корчились присутствующие. Она не могла не смотреть на красивого и злого

любовника Кейро. «Неудивительно, что его называют лорд Люцифер, – подумала она. – Он создан, чтобы искушать».

Завершив свои молитвы, Люсьен наклонился и поцеловал каждую женщину в лоб. Они искали его губ, но с жестокой и восхитительной улыбочкой он отверг их; потом бледный молодой человек закутал женщин в белые плащи и увел со сцены. Прихожан Дракона начало охватывать беспокойство. С нарастающей неловкостью Элис увидела, что все вокруг стали разбиваться на пары и более необычные сочетания. Повсюду люди обнимались, целовались, скидывали бурые сутаны. Служба, кажется, подходила к концу.

Внезапно Орфей напугал ее, схватив за руку.

– Поцелуйте нас, синие глазки. – Он хрюкнул, струя пота побежала по его круглому красному лицу.

Она отпрянула.

– Пустите меня!

– Ты что же, девственница?

– Убирайтесь вон!

Некоторое время они боролись, и он опять попытался поцеловать ее, но Элис оттолкнула его изо всех сил. Пробормотав грубое ругательство, Орфей сердито ушел и смешался с толпой, оставив Элис в одиночестве.

Потрясенная девушка дрожащими руками отвела назад волосы, потом огляделась и стала на цыпочки, пытаясь найти взглядом Кейро. Она начала пробираться сквозь толпу, повсюду высматривая блудливую баронессу. Дудочки снова завели свое жужжание, издавая волнообразные звуки, от которых кружилась голова и которые словно скручивались и корчились, проникнув в ее тело. С каждым шагом Элис слышала все новые и новые языки, на которых говорили присутствующие. Она поняла, что здесь собрались люди со всей Европы – и они уже начинали давать волю своей распущенности. Сутаны сбрасывались. Огромный бассейн наполнялся смеющимися нимфами и сатирами,

как и маленькие темные «уголки любви», вырезанные в стенах пещеры. Эротические чудеса расцветали вокруг Элис, как цветы из другого мира. Она видела, как леди в маске секла мужчину, который был привязан к коринфской колонне, его руки были подняты у него над головой; всякий раз, когда она ударяла по его нагой спине кнутом для верховой езды, его тело дергалось, и он кричал от удовольствия, а другие смотрели на это. В нескольких шагах от них Элис увидела двух женщин, замерших в страстном поцелуе. Она не отрывала от них глаз, пока проходила мимо, удивленная и совершенно сбита с толку. Повсюду гости делали друг с другом такое, что она и вообразить себе не могла. Все это окончательно ошеломило ее, и девушка поняла, что осмыслить все она попытается потом. А пока нужно просто сосредоточиться на своей задаче – найти Кейро и отвезти ее домой к Гарри.

При мысли о племяннике в голове у нее прояснилось, а решимость окрепла. Ради Гарри Элис принялась расталкивать толпу более агрессивно, не обращая внимания на соития, естественные и противоестественные, и на многочисленные оскорбительные предложения, которые делали ей совершенно незнакомые люди, когда она проходила мимо. Наконец Элис добралась до края большого бассейна.

Пока она при тусклом полусвете вглядывалась в лица купающихся, пар, поднимающийся от горячего источника, увлажнил пряди ее волос, обрамлявшие лицо. Спустя какое-то время сердце у нее упало – она поняла, что ее невестки здесь нет. Элис прижала руку ко лбу. О Боже, что, если Кейро уединилась где-нибудь с Люсьеном Найтом? Она посмотрела на сцену. Светловолосый человек был все еще там, но Дракон исчез.

Нахмурившись, Элис опустила руку, надеясь, что ей удастся избежать немислимой перспективы прервать любовную игру невестки с ее демоническим любовником. Не важно, она накинет на Кейро одежду и отведет домой за ухо, если потребуется. Решив обыскать укромные уголки и ущелья, расположенные по абрису пещеры, Элис повернулась – и тут же ударилась о голую мускулистую грудь какого-то мужчины.

Прямо перед ее глазами была расстегнутая белая рубашка, глубокий ворот которой открывал бархатистую кожу. С этого близкого расстояния Элис видела каждый скульптурный мускул его живота, каждую твердую выпуклость его великолепного торса; она просто чувствовала солоноватый вкус пота, блестевшего у него на коже. Сердце у нее забило где-то в горле – она сразу

же узнала этого человека; мысли разбежались, как куры при виде лисы, забравшейся в курятник.

«Ах нет!» – подумала она, задыхаясь.

Медленно подняв глаза, Элис откинула голову назад и уставилась прямо в серебристые насмешливые глаза Люсьена Найта.

Глава 3

Незадолго до этого Люсьен бродил в толпе, и его беспечный вид скрывал крайнюю настороженность. У него был штат из пятерых повес – молодых агентов, которые помогали ему в этой операции. Каждый из четверых отвечал за четверть Грота, а пятый, Толберт, использовал свои способности актера и словоблуда, играя роль жреца. На жалованье у Люсьена состояли шесть великолепных куртизанок, и каждая знала свои обязанности – подпаивать иностранных агентов, предлагать свои милости и соблазном вытягивать из них информацию. Свободно смешиваясь с толпой, эти молодые люди и женщины узнавали все, что могли, а в конце ночи докладывали Люсьену. Он же, со своей стороны, свободно бродил по Гроту, все подмечая и резко останавливаясь, если его внимание привлекал хотя бы намек на информацию, касающуюся его врагов.

Но ведь нельзя же все время заниматься делами. Разнузданная сексуальность, окружавшая его, горячила кровь. Ему нужна была женщина, и немедленно. Не Кейро – она надоела ему еще во время долгой поездки в экипаже из Лондона в Ревелл-Корт. Он уже подумывал об одной из новопосвященных, а может, и об обеих, когда заметил эту девушку.

Она все еще была полностью одета. Это прежде всего обратило на себя его внимание. Это было не по правилам. Поскольку ее лицо скрывал капюшон, невозможно было узнать, кто это, но каким-то образом Люсьен сразу же понял, что она здесь посторонняя.

«Но ведь этого не может быть», – подумал он. Он знает всех и все, что происходит в Гроте. Он все держит под полным контролем. Невозможно, чтобы

эта простушка запросто проникла сквозь его заграждения.

Потом Люсьен заметил, что она одна, и все его неистовое внимание устремилось на нее. Он наблюдал, как она крадучись ловко и осторожно пробирается сквозь толпу.

Люсьен решил посмотреть на нее поближе. С небрежным видом он шел за ней в толпе, а пульс у него бился сильно и грубо. В жилах его корчилась жажда неистового совокупления, кожей к коже. То было лучшее, на что он мог надеяться, поскольку с горечью сознавал, что в этом мире не существует того, что ему действительно нужно. Но любовь, как и все прочее, тоже можно симулировать. Ему хотелось, чтобы его обнимали так, словно он последний мужчина на земле; хотелось сражаться, пока он не утонет в поту, потерять себя, обожая женское тело, и может быть, хоть на мгновение забыть об окружающей его пустоте.

Подойдя к ней совсем близко, он наслаждался ее скромной манерой двигаться и почувствовал, как его тело отзывается на изящное покачивание ее бедер, когда она приблизилась к бассейну. Люсьен предвкушал, как сейчас девушка снимет плащ и покажет ему свою нежную наготу, но вместо этого она просто остановилась, словно искала кого-то. В голове у него мелькнула мысль, что, подойдя к этой девушке, он либо возьмет ее силой, либо задержит. Люсьен и сам не знал, что предпримет, когда отрезал ей путь к отступлению.

Она испуганно смотрела на него из темных складок своей сутаны, а он подумал, что смотрит в самые синие глаза из всех, какие когда-либо видел. Только раз в жизни Люсьен встречал такой глубокий оттенок кобальта – в цветных стеклах окон шартрского кафедрального собора. Погрузившись в синюю, как море, глубину этих глаз, он забыл об окружающей толпе. «Кто ты?» Люсьен не произнес ни слова, не спросил у нее разрешения. Со спокойной самоуверенностью мужчины, который уже снизошел до всех женщин, находившихся в этом помещении, он схватил ее за подбородок – крепко, но осторожно. Она вздрогнула, когда он прикоснулся к ней, и в глазах ее промелькнул панический ужас.

При виде этого его жесткий взгляд несколько смягчился, но тут же его едва заметная улыбка исчезла, потому что он ощутил, как шелковиста ее кожа. Одной рукой он поднял лицо незнакомки к тусклому свету факела, а другой мягко отвел назад ее капюшон. И тут Люцифер онемел, оказавшись перед такой

красавицей, подобных которой он еще не встречал.

Пока Люсьен смотрел на нее, затаив дыхание из опасения, что это видение исчезнет, его душа почтительно притихла. У нее были светлые локоны, сияющие, как золотое пламя рассвета, и большие испуганные глаза неземного синего цвета. В течение одного мгновения Люсьен был до того уверен, что это падший ангел, что почти ожидал увидеть серебряные крылья, скромно сложенные под грубой бурой одеждой. Судя по виду, ей было от восемнадцати до двадцати двух – здоровая, нет, девственная красота, трепетная чистота. Он мгновенно понял, что она совершенно нетронута, как ни невероятно это казалось в таком месте.

Лицо у нее было гордое и настороженное. Ее атласная кожа мерцала при свете свечей, бледная и тонкая, но при виде ее мягких, сочных губ в нем внезапно заиграло желание, как шампанское в бокале, и это желание разлилось по его жилам. В ее тонком лице были ум и трепетная ранимость, при виде которой его охватила ноющая боль об участи всего, что невинно.

Благородная юность, требовательная юность, и если она явилась, чтобы убить Дракона, то уже поразила его в черное неистовое сердце. Люсьену показалось, что она видит его насквозь, так же как он видит всех остальных. Это испугало его и приковало к месту. Если только...

Когда его первоначальное изумление прошло, реальность обрушилась на него. Ведь он ее не знает. Он никогда не видел эту девушку прежде, тем более не проверял ее.

«Боже милостивый, – подумал он с внезапным ужасом, – это как раз то самое оружие, которое послал бы против меня Фуше!»

Он тут же сильнее, уже довольно жестоко стиснул ее лицо, ибо невинность также может оказаться поддельной.

– Ну-ну, – прорычал он, – что это у нас здесь? Вы очень хорошенькая, не так ли, крошка?

– Пустите меня!

Он зло засмеялся, видя ее сопротивление. Она обхватила руками его запястье и попыталась ослабить безжалостную хватку. «Как же, крылья!» – подумал он, испытывая отвращение к самому себе. Уставился на нее точно юнец, ужаленный любовью! Единственное, что эта девчонка, наверное, прячет под монашеским одеянием, – это кинжал, который Фуше прислал ей, чтобы она всадила его Люциферу между ребер!

Он был в ярости из-за того, что она чуть было не обманула его – пусть даже на одну секунду, – но ему не хотелось устраивать сцену в присутствии иностранных агентов. Ему нужно побыть с ней наедине, узнать, кто она, и выяснить, на кого работает.

Не сомневаясь, что она прячет какое-то оружие, Люсьен не дал ей возможности достать его, грубо заведя девушке руки за спину и притиснув ее к себе. Маленькая ведьма боролась, корчилась и выворачивалась, отталкивая его.

– Пустите меня, говорю вам!

Она задела бедром по его причинному месту, и он издал похотливый смешок.

– М-м, мне это нравится, – промурлыкал Люсьен, прижимая к себе ее гибкое тело.

– Вы, чудовище, прекратите это! – закричала она. – Вы делаете мне больно!

– Вот и хорошо. – Он заглянул ей в лицо, угрожающе блеснув глазами. – А почему бы нам, красавица моя, не пройти куда-нибудь в укромное местечко?

Она вдруг перестала сопротивляться, ее синие глаза расширились, милое личико из алого сделалось белым. Без предупреждения Люсьен перекинул ее через плечо. Пронзительный вопль девушки потонул в похотливых криках окружающих. Люсьен, подобно варвару, понес ее в свою личную комнату для наблюдений, скрытую за горящими глазами дракона.

Его широкие плечи под ее животом казались твердыми, как железо, и от всего его тела исходил гневный жар, как от печки. Люди аплодировали Люсьену

Найту, полагая, что он выбрал ее с единственной целью. Элис была в ужасе, потому что они, по-видимому, были правы.

Ее протесты, угрозы и мольбы были тщетны, их заглушала пульсирующая музыка и барабаны. Когда ей удалось высвободить руки, она стала молотить его по спине, но это не возымело ни малейшего эффекта. Охваченная бешеным стремлением освободиться, Элис даже попробовала вырвать у него клочок волнистых черных волос, но в результате он всего лишь добродушно шлепнул ее по заду.

– Как вы смеете? – ахнула она, тело у нее напряглось, глаза защипало, хотя от шлепка скорее пострадала ее гордость, чем тело.

– Перестаньте терзать мои волосы, иначе в следующий раз я стукну вас по голой заднице.

От такой непристойно грубой угрозы Элис пришла в ярость! Тому, кто вроде бы говорит на семи языках, не следовало употреблять такие вульгарные выражения! Никогда в жизни она не была так возмущена. Элис чувствовала себя беспомощной, и это было невыносимо – точнее, он был невыносим. Ах как жаль, что ее брата уже нет в живых! Филипп всадил бы в него пулю, если бы увидел это; сначала Кейро, а теперь она!

Между тем Люсьен направлялся к огромному дракону-статuae, и Элис на время прекратила борьбу, поняв, что физически он намного сильнее ее и что лучше ей поберечь свои силы, пока они не пришли туда, куда ее несут. Ей понадобится весь ее ум, если она не хочет, чтобы этот дьявол взял ее силой.

Сторож в длинном черном плаще открыл перед Люсьеном дверь, находившуюся под локтем дракона. Люсьен вошел, дверь закрылась за ним, и оглушительная музыка и голоса теперь слышались приглушенно. Элис уперлась руками в изгиб его поясницы и попыталась повернуться, чтобы видеть то, что происходило впереди.

– Куда вы меня несете? – дрожащим голосом спросила она.

– А вы хотите это узнать? – ответил он противным голосом.

Она заморгала от этого насмешливого тона, притиснутая к его крепкому телу, в то время как Люсьен начал подниматься по узкой витой лестнице, высеченной в камне. Он не знал усталости. Наверху лестницы очередной сторож открыл перед ним еще одну дверь. С Элис, все так же висящей у него на плече в весьма непристойной позе, Люсьен вошел в маленькую комнатку с куполом. В комнатке было сумрачно и очень жарко. Там стояли кушетка и деревянный стол с двумя креслами; в помещении было два овальных окна из красного витражного стекла, выходивших на Грот и большой бассейн. Поняв, что они находятся внутри драконьего черепа, Элис встрепенулась.

Люсьен наклонился и поставил ее на пол.

- Не двигайтесь!

Приказ не возымел действия. Она уже двигалась, инстинктивно пятась от него, как от дикого хищного зверя. Он сунул руку под рубашку и вытащил пистолет, который хладнокровно нацелил ей между глаз.

- Я сказал - не двигайтесь, дорогая.

Элис замерла на месте, в изумлении глядя на ствол пистолета. Внутри у нее все сжалось от ужаса.

- Отдайте ваше оружие.

- Что? - прошептала она, и ее потрясенный взгляд метнулся с дула пистолета на его безжалостное красивое лицо. Мрачный красный отсвет от витражных глаз дракона омывал гармонические очертания его щек и лба, обрисовывал резкие углы величественного носа и квадратный решительный подбородок. Его соболиные волосы, спряденные из шелковых теней, были чернее, чем ночь в преисподней. Его серебристые глаза блестели, как у дикаря, когда он подошел к ней.

- Вы не собираетесь идти мне навстречу, не так ли? - проговорил он, и в его бархатном голосе прозвучала угроза. - Прекрасно, дорогая. Если вы предпочитаете, чтобы я вас обыскал, я охотно сделаю это. Снимите сутану.

– Милорд!

Он сделал жест пистолетом.

– Снимите.

Она посмотрела в его стальные глаза и мгновенно решила, что не стоит спорить с безумцем, у которого в руках пистолет. Дрожащими пальцами Элис развязала прочную веревку-пояс, потом сняла сутану через голову. Под ней было скромное хлопчатобумажное платье, в которое она переделалась, прежде чем выйти из своей спальни.

Люсьен медленно изучал ее обжигающим взглядом.

– Бросьте сутану на пол.

Она подчинилась.

– Положите руки за голову.

– Прошу вас... вы ошибаетесь...

Но он прищурился и предостерегающе посмотрел на нее, и Элис замолчала и быстро сплела пальцы на затылке. Он сунул пистолет в потайную кожаную кобуру под плащом и подошел к ней, твердо положив руки ей на талию. Потом похлопал девушку по бокам, обошел вокруг и принялся обыскивать каждый дюйм ее тела своими безумными, неумолимыми руками. Слабо вскрикнув, она попыталась увернуться от его прикосновений, но он схватил ее за запястья и опять завел ей руки за голову.

– Лучше бы вы помогли мне, mademoiselle.

– Это нелепо! У меня нет оружия! – возразила она, полыхая румянцем.

– Успокойтесь и стойте смирно, иначе я сорву с вас всю одежду, причем сделаю это с великим удовольствием.

Она чуть не задохнулась. Господи, во что она влипла? Зачем не осталась в своей комнате! Элис прикусила язык и изо всех сил постаралась не вздрагивать и не корчиться, пока его крупные руки блуждали по ее телу, обыскивая.

– Вы очень соблазнительны, знаете ли, – сказал он мелодичным голосом, – но я несколько обижен тем, что ко мне прислали такую дилетантку. Или они хотели, чтобы вас убили?

– Я... я не понимаю, о чем вы говорите.

– Ну конечно, вы не понимаете! Милочка, вам лучше побыстрее обдумать, как вы хотите сыграть вашу партию, потому что я знаю таких, как вы, слишком хорошо. Я знаю, зачем вас послали – лечь со мной, а потом заколоть меня во сне.

Услышав такое, Элис разинула рот.

– И все же... – его губы приблизились к ее уху, а руки медленно скользили по животу, – я почти уверен, что с вами оно того стоит. – Он приподнял ладонями ее груди. Слабо вскрикнув, Элис отшатнулась и уперлась в его торс, твердый, как стена; сердце у нее билось от смятения, волнения и страха.

Тело ее напряглось, отчего груди еще полнее наполнили его ладони, но дыхание застряло у нее в горле. Она не могла говорить, она могла только чувствовать, как жар его рук проникает сквозь тонкую ткань платья, зажигая непонятные силы в ее крови. Его сильные руки обнимали ее, и она чувствовала каждый дюйм его стройного мощного тела, прижатого к ней, – угловатые выступы его колен терлись о ее ноги сзади, сильные бедра прижимались к ягодицам, скульптурная плоскость живота – к спине, и голова ее упиралась в его мускулистый торс.

– Какая жалость, – прошептал он. – Мы так подходим друг другу.

Смущенный трепет пробежал по ее телу при этих словах; но он пошевелился и снова стал ее обыскивать.

– Что вы делаете? – с трудом проговорила она срывающимся голосом, когда он пригнулся к ее правому бедру и рука его скользнула ей под юбку.

– Ничего особенного. – Неторопливо и с удовольствием Люсьен провел рукой по ее ноге, обтянутой чулком, и, сунув палец под подвязку, обвел им вокруг ее ноги.

Предательская дрожь охватила девушку. Шипящее тепло побежало по нижней части тела, и она вспыхнула от унижения.

– Как вас зовут? – пробормотал он, легко погладив ее под коленкой.

Голова у Элис кружилась. Она хотела солгать или оказать сопротивление, но думала только о его руках, шарящих по ее телу. Пылающая кожа вдруг стала до безумия чувствительной к каждому его прикосновению. Унизительно, когда твое тело так реагирует на этого дьявола! Задрожав, она невольно отпрянула, возбужденная и возмущенная, а он продолжал свое дело.

– Ваше имя, дорогуша?

– Элис, – ответила она сквозь стиснутые зубы. – Уберите руки!

Он поднял голову и уставился на нее, внезапно замолчав.

– Элис, а дальше?

– Элис Монтегю, я приехала, чтобы найти Кейро – спасти ее от вас!

Судя по его глазам, он был потрясен. Она закинула голову, чтобы встретиться с его ошеломленным взглядом, потому что он был больше шести футов ростом, а плечи у него были в два раза шире, чем у нее.

– Вы – Элис Монтегю?

– Вы что, не слышали?

Он взял длинную прядь ее волос и принялся скептически разглядывать.

- О-о, - прошептала она, когда он слегка потянул ее голову, - отпустите мои волосы.

- Не волнуйтесь, - пробормотал он. Некоторое время Люсьен изучал цвет ее волос, потом резко отпустил их. Волосы упали ей на плечи, а он подбоченился и сердито воззрился на нее.

- Что такое? - спросила она, в тревоге отшатываясь от него.

- Вы - Элис, - сказал он обвиняющим тоном.

- Да.

- Кейро - ваша невестка.

- Да.

- Вы та, кто заботится о ее ребенке. - Он чуть было не фыркнул.

- Да! Она рассказала обо мне?

Его глаза вспыхнули, как у волка, который собирается загрызть овечку.

- Элис, черт побери, Монтегю! Как это вы проникли в мой дом? - заорал он вдруг.

- Не кричите на меня!

По-прежнему подбоченившись, он ждал ее объяснений. Элис решила не показывать, что ей страшно. Она сердито глянула на него и пробурчала, не желая сдаваться:

- Я же вам объяснила - я приехала, чтобы увезти Кейро домой. Стражники у ворот пытались не пустить меня, но, к счастью, я сумела убедить их в срочности моего дела; потом ваш дворецкий сказал, что приведет Кейро ко мне, но не сделал этого, поэтому я пошла искать ее сама. Я решила, что у вас костюмированный бал.

Его левая бровь взлетела вверх.

– Костюмированный бал?

– Да.

Похоже, что ее ошибка показалась ему весьма забавной, хотя его улыбка была далеко не любезной.

– Вы же понимаете, что все это очень легко проверить. Единственное, что мне нужно сделать, – это привести сюда Кейро и выяснить, на самом ли деле вы та, за кого себя выдаете.

– Я мечтаю, чтобы вы это сделали. Я проехала три графства, чтобы найти ее, – сказала девушка с усталым вздохом. – Сын ее очень болен.

Издвательское выражение тут же исчезло с его лица, он посерьезнел:

– Гарри? Что с ним такое?

– У него ветрянка, – ответила Элис, удивившись, что он знает, как зовут ребенка, и проявляет при этом нечто вроде озабоченности. – Он все время зовет мать, – добавила девушка; она по-прежнему держалась настороженно, но немного успокоилась. – Через несколько дней ему станет хуже, сегодня утром появилась сыпь.

– Вам было чертовски трудно добраться сюда. К вашему сведению, ветрянка не такая уж серьезная болезнь.

– Это серьезная болезнь, если вам три года! – с возмущением возразила Элис.

– Ладно, вы меня убедили, – отозвался Люсьен. Покачав головой, он повернулся и пошел к столу, стоявшему у окна – драконьего глаза, потом подвинул девушке стул. – Садитесь, – приказал он, подошел к двери и распахнул ее: – Найдите леди Гленвуд и немедленно приведите ко мне, – приказал он крупному человеку, одетому в черное, застывшему у дверей на страже.

– Слушаюсь, милорд.

Элис опустилась на стул; ей стало легче. Человек отправился выполнять приказание. Нервно сложив руки на коленях, Элис сунула ноги под стул и с трепетом смотрела, как Люсьен медленно закрывает дверь. Он постоял там немного, опустив голову, и красный свет играл на его широкой спине и атлетических плечах; потом повернулся и устало прислонился к двери. Его лицо скрывали тени.

Он сунул руки в карманы панталон и смотрел на Элис, настороженно держась на расстоянии. В голове у нее еще было живо впечатление от его рук, скользивших по ее ноге. Она быстро опустила голову, чтобы избежать его пронзительного взгляда.

– Мисс Гуди Два Башмака, – мягко поддразнил он ее.

Она насторожилась, бросила на него хмурый взгляд.

– Я не люблю, когда меня так называют.

Его взгляд оскорбительно скользнул по ее телу.

– Я слышал, что вы – просто маленькая святая.

– По сравнению с кем? С Кейро?

При этом возражении его циничная усмешка превратилась в настоящую улыбку.

– Пожалуй, сегодня ночью у вас было настоящее приключение, а?

– Скорее, испытание.

– Ну, судя по всему, вы весьма храбро прошли его. – Люсьен оторвался от двери и направился к ней.

Когда он приблизился, сердце у Элис снова неистово забилось. Люсьен остановился рядом, и его талия, опоясанная ремнем, оказалась на уровне ее глаз. Она чувствовала пульсирующий жар, исходящий от его тела, ощущала мускусный запах самца, видела большую цилиндрическую выпуклость под его панталонами. Выпуклость была слишком крупной, чтобы ее игнорировать. Элис оторвала взгляд от этой части его тела и выругала себя за то, что смотрела на нее, но раз заметив этот его мужской атрибут, она, кажется, никогда уже о нем не забудет.

Элис вздрогнула, потому что Люсьен снова схватил ее длинные пряди и медленно пропустил их между пальцами, как атласную ленту. Возмущенная раздражающей дерзостью этого жеста, она сердито посмотрела на него и тут же была захвачена его пылким, завораживающим взглядом.

Когда он заговорил интимным шепотом, его голос проник до самых глубоких тайников ее сердца.

– Девственная Элис Монтегю! Скажите, что вы думаете об увиденном здесь сегодня ночью?

Она покачала головой и, вспыхнув, отвела глаза.

– Не знаю.

Он поднял ее подбородок, заставив смотреть прямо в его глаза.

– Это вас возбудило?

Элис была настолько шокирована его вопросом, что не нашла в себе сил отчитать его за дерзость. Однако он не дал ей ответить.

– Не лгите, – с упреком произнес он бархатным шепотом, удерживая ее за подбородок кончиками пальцев, чтобы она не могла отвернуться. Он смотрел на нее так, словно его пронзительные глаза заглядывали прямо в глубину ее сердца и видели там то, о чем она никому никогда не говорила, – неуправляемость ее страстей, голод, сжигающий ее недра. Казалось, он принял все это как должное. – Скажите, – тихо попросил он, – дайте мне возможность

вспомнить, каково это – быть такой невинной, как вы. – Он замолчал, хотя она ничего не отвечала. – Вы никогда раньше не видели, как люди ласкают друг друга?

Широко раскрыв глаза, Элис собрала всю свою волю и спустя какое-то время покачала головой. Лицо его смягчилось. Он с нежностью посмотрел на нее. Никогда прежде она не видела в мужских глазах такого голода, такого явного, мучительного одиночества. Элис вздрогнула, охваченная очень странными чувствами, а он взял ее руку и поднес к губам.

Люсьен запечатлел на ее ладони осторожный поцелуй, потом прижал девичьи пальцы к своей мощной груди. Тихий возглас сорвался с ее губ – не только от того, что он так поступил, но и от ощущения его обнаженной кожи под ее ладонью.

Элис потрясенно воззрилась на него.

– Милорд... – с трудом прошептала она.

– Ш-ш, Элис, я все вижу по вашим глазам. Продолжайте! Я не кусаюсь. В этом месте все дозволено. Ваше любопытство... оно совершенно естественно, – хриплым голосом заверил ее Люсьен.

Она нерешительно посмотрела на свою руку, такую бледную и изящную рядом с его загорелым телом. Элис закусила губу, понимая, что играет с огнем, но ведь он красив как бог! Она не смела даже двинуть пальцем, чтобы удовлетворить свое любопытство, но и руки не отвела.

– Как сильно бьется у вас сердце, – сказала она.

Глаза его светились, как звезды; лицо же оставалось в тени. Люсьен погладил ее шею, его пальцы замерли возле пульсирующей жилки.

– У вас тоже.

О Боже, как ей хотелось поцеловать его! Элис закрыла глаза, наслаждаясь прикосновением его мощной, необыкновенно крупной руки, хотя и понимала, что

каждая секунда его близости приближает ее к краю пропасти. Просто безумие – поощрять этого человека, но его прикосновение было удивительно ласковым.

Когда Элис с трудом открыла глаза, желание довело ее почти до агонии. Она скользнула взглядом вниз, по его вздымающейся груди и стройному телу, потом ниже и увидела во всей полноте доказательство его возбуждения. Его глаза смотрели на нее умоляюще, прося прикоснуться к нему, он провел ласкающим жестом по ее руке до самых пальцев. Элис чуть не потеряла сознание, когда поняла, что ей этого хочется. Она опять подняла глаза и встретилась с ним взглядом. Они смотрели друг на друга. Ее дыхание стало прерывистым, а он увлекал ее руку вниз, так что она ощущала каждую мускулистую выпуклость его живота.

Внезапно раздался стук в дверь, разрушивший чары как раз в тот момент, когда ее рука была уже на его талии. Услышав стук, Элис мгновенно очнулась. Господи, что же она делает? Ахнув, девушка вырвала руку словно ошпаренная.

– Вы наглы, сэр!

– А вы вспыхнули. – Он улыбнулся ей очаровательной улыбочкой и пошел к двери.

От негодования и смущения у нее стучало в висках. Она положила руку себе на колени; рука все еще ощущала покалывание. Элис нахмурилась, возмущенная собственным возбуждением, которое смущало ее. Никогда еще она не бывала в таком состоянии. Все внутри у нее болело; она крепко сжала колени под юбкой, пытаясь напомнить своему телу, что ею руководят голова и мораль. В отличие от Люсьена. Вряд ли похоть – это то чувство, к которому она стремится. Элис бросила осторожный взгляд в его сторону, удивляясь, почему он до сих пор не открыл дверь. Люсьен стоял, опустив голову и держа руку на дверной ручке. Потом она поняла, что он старается обуздать свое великолепное тело.

Словно почувствовав ее взгляд, он медленно обернулся и посмотрел ей в глаза. Какое-то время они молчали, охваченные совершенно неожиданным влечением, от которого кружилась голова.

– Могу я прийти к вам сегодня ночью? – совершенно спокойно спросил он.

– Нет! – изумленно воскликнула Элис.

Видит небо, чем скорее она заберет свою невестку и покинет это порочное место, тем лучше! Утром она поспешит уехать домой в Гленвуд-Парк и забыть все, что видела этой ночью, – в том числе и его. В особенности его.

Она услышала его раздраженный страдальческий вздох, потом щелкнул замок. Едва он растворил дверь, как Кейро ворвалась в комнату и обвила его шею руками:

– Милый!

Брови Элис высоко взметнулись, когда она увидела надменную баронессу, подвыпившую и растрепанную, с волосами, мокрыми после купания в бассейне, в бурой сутане, держащейся на одном ее голом белом плече. Она прижалась к Люсьену, не замечая Элис, застывшую в другом конце комнаты.

– Вы соскучились по мне? Вы хотите меня, мой нехороший мальчик? – Она провела рукой между его ногами, прикасаясь к нему там, где Элис не посмела этого сделать. – Вы ревновали? Так и надо, – упрекнула она его с пьяным смешком. – Здесь я просто потеряла голову. Я готова! Но видите ли, у меня есть план. Я разжигалась медленно, сохранив на конец самое лучшее. То есть вас.

Элис хотела поздороваться с ней, но слова замерли у нее на языке. Потрясенная, смотрела она, как ее невестка трется о Люсьена, как она подняла ногу и обхватила его бедро. Потом Кейро просунула руку в ворот его расстегнутой рубашки и притянула его к себе.

– Возьми меня, Люсьен, – пропыхтела она, кусая его за мочку уха.

Элис прижала руку к губам. Господи! Неудивительно, что Люсьен фыркнул, когда она сказала, что приехала, чтобы спасти от него Кейро. Какое тошнотворное зрелище! Люсьен, во всяком случае, нуждается в том, чтобы его спасли прежде, чем баронесса его проглотит.

Он откашлялся и торопливо оторвал руки Кейро от себя.

– Э-э... леди Гленвуд, вас хотят видеть. – Он повернулся и указал на Элис с беспристрастным интересом зрителя, равнодушно наблюдающего за развитием событий в театральной пьесе.

Кейро проследила за направлением его взгляда и увидела Элис. Похотливая радость мгновенно исчезла с ее побледневшего как воск лица. Издав болезненный крик, она машинально подняла руку, чтобы пригладить свои мокрые спутанные волосы.

– Элис! Боже мой, ч-что вы здесь делаете? – слабым запинаящимся голосом пролепетала баронесса.

Элис не могла заставить себя встретиться глазами со своей невесткой. Она бросила затравленный взгляд на Люсьена, но он не произнес ни слова, и Элис поняла, что происходящее его совершенно не волнует. Как она жалела, что не осталась дома с Гарри! Пребывала бы в полном неведении касательно глубины падения Кейро. Конечно, она совершила ошибку, приехав сюда.

– У Гарри ветрянка, вам следует вернуться домой. Мы выедем на рассвете, – наконец проговорила она.

Баронесса беспомощно смотрела на нее, словно видела перед собой самое правдивое из зеркал. От ее самоуверенности не осталось и следа. Кейро растерянно повернулась к Люсьену, который подбоченясь молча взирал на нее. Молчание было долгим, изматывающим и мучительным. Потом, совершенно неожиданно, Кейро яростно набросилась на них.

– Как вы посмели явиться сюда? – закричала она на Элис, и лицо ее исказилось от ярости. Она рванулась к девушке с таким видом, точно хотела выцарапать ей глаза, но Люсьен остановил ее, схватив за руку. – Выгоните ее отсюда, Люсьен! Как вы могли позволить ей прийти сюда? Клянусь вам, Элис, если вы скажете мне хотя бы слово, я вышвырну вас из Гленвуд-Парка! Вы никогда больше не увидите Гарри!

– Успокойтесь, – коротко приказал ей Люсьен.

– Пустите меня!

Он грубо тащил ее к дверям, а она осыпала его потоком грязных ругательств.

– Леди Гленвуд слишком много выпила, проводите ее в комнату и закройте там, – коротко приказал Люсьен.

– Ах ты негодяй! Дьявол! Пусти меня, свинья ты эдакая! – неистово кричала Кейро. – А ты не смей смеяться надо мной, маленькая ведьма! – обратилась она к Элис, сопротивляясь охранникам, пытавшимся совладать с ней. – Ты думаешь, ты такая чистая? Он заставил меня сделать это – и тебя тоже заставит! И тогда ты увидишь, что ты ничуть не лучше меня! Покажите ей, Люсьен! Сделайте то, что у вас лучше всего получается! По крайней мере одну вещь вы можете сделать так же хорошо, как и Деймиен!

Люсьен захлопнул дверь у нее перед носом с такой силой, что та чуть не слетела с петель. Дрожа, Элис прижала руку ко лбу. В комнате было слишком жарко, и она чувствовала, что вот-вот расплчется. Люсьен тоже молчал. Он стоял к ней спиной, но Элис чувствовала, какая ярость терзает его тело.

– Она пьяна, не обращайте внимания. Она сказала это просто от стыда. – И когда Элис ничего не ответила, он повернулся и бросил на нее настороженный взгляд. – С вами все в порядке?

– Я даже не знаю, почему я приехала, – прошептала Элис; подбородок у нее задрожал, но она изо всех сил сдерживалась.

– Почему вы приехали? – тихо переспросил Люсьен.

Элис не хотелось отвечать, но слова вырвались сами, а из глаз потекли сердитые слезы.

– Потому что я обещала брату, когда он лежал при смерти, что буду заботиться о Гарри и о ней; и вот какова благодарность! Она губит мою жизнь! Я люблю своего племянника, но... – Резко оборвав свою пылкую речь, Элис отвернулась, размазывая слезы. Она вытирала их дрожащими руками, поворачиваясь к Люсьену, которого обвиняла во всем. – Что вы с ней сделали? – спросила она, вздрагивая от негодования. – Кейро сказала, что вы что-то с ней сделали. Что именно?

Люсьен бросил на Элис тяжелый взгляд.

- Она сама это с собой сделала.

- Зачем вы явились и разрушили все между ней и вашим братом? Зачем?

- Разве это не очевидно? Вы видели, как она вела себя. Я сделал это, чтобы защитить его.

- Лорд Деймиен - взрослый человек!

- Он не умеет обращаться с женщинами.

- А вы?

- Иногда.

- Тогда где же ваша жена, Люсьен? Где человек, который любит вас? - выпалила Элис.

Его лицо разом осунулось, и на мгновение она увидела его именно таким, каким он был под своими многочисленными масками, - потерянным, испуганным, отчаянно желающим, чтобы кто-нибудь протянул ему руку.

- Ну, Элис, такого человека не существует, - сказал он, почти оставив свой обычный сарказм.

- Совсем как у меня. - С огорчением почувствовав себя виноватой при виде того, как ее резкие слова попали в цель, Элис быстро вытерла слезы и попыталась смягчить тон. Пусть он и потерянная душа, может быть, он просто не знает ничего лучшего. - Любовь меняет людей, Люсьен, вот что она делает. Если бы вы позволили им быть вместе, возможно, лорд Деймиен сумел бы помочь Кейро перемениться. И тогда Гарри, возможно, получил бы опору в жизни, отца, который научил бы его, как со временем стать человеком.

Его резкое, угловатое лицо внезапно сердито вспыхнуло - Люсьен почувствовал, что виноват.

– А это уже не моя проблема! В чем-то лорд Деймиен не знает себе равных, в чем-то – ничего не смыслит. – Он презрительно рассмеялся. – Вы действительно вознамерились прочесть мне лекцию о любви? Что вы о ней знаете? Ставлю об заклад мой дом, что вас никогда толком никто не целовал! Проклятие! – И неожиданно он двумя шагами преодолел разделяющее их расстояние, грубо схватил ее в объятия и впился губами в ее рот прежде, чем она успела ахнуть.

Первое, резкое, обжигающее прикосновение его губ уничтожило напрочь ее девические представления об идиллических поцелуях. Его левая рука грубо запуталась в ее волосах, а правой он прижал Элис к себе. Люсьен целовал ее так, словно хотел поглотить, его горячий, алчный язык раздвинул ее губы. То был акт обладания, его яростная требовательность душила ее. Она слабо уперлась ему в грудь; он слегка развел ее ноги и немного вдвинул между ними колено, а его руки принялись гладить ее спину. Ошарашенная, Элис припала к нему, чтобы не упасть, и ее охватил исходящий от его стройного мускулистого тела жар. Элис попыталась отвернуться, отказаться от опасного удовольствия, испытать которое он вынуждал ее, но поскольку он проводил руками по ее спине вверх и вниз, ее реакцию было невозможно скрыть.

Дрожащая и неуверенная, она постепенно перестала сопротивляться и шире раскрыла рот, медленно, нерешительно коснувшись языком его языка. Люсьен гортанно застонал, его мощные объятия разом ослабли. Его поцелуй стал глубже и проникновеннее, и она таяла в его объятиях.

Спустя какое-то время он замер и прервал поцелуй, но его тонкие губы все еще медлили рядом с ее губами. Он прижался к ней лбом, его торс возвышался над ее грудью. Элис чувствовала мягкое тепло его тяжелого дыхания у своих влажных губ, а его ладони скользили по ее рукам.

– А как насчет вас, Элис? – отрывисто прошептал он. – Кто любит вас?

Она неуверенно встретила его неистовый взгляд.

– Многие...

– Кто же? – грубо допрашивал он.

- Это не ваше дело...

- Я вам ответил, ответьте и вы.

- Это мой племянник Гарри, - запинаясь сказала Элис.

- Он ребенок.

- Он человек!

- Позвольте мне прийти к вам ночью!

- Вы сошли с ума? Пустите меня! - Она вывернулась из его рук и отошла, стирая его поцелуй со своих губ тыльной стороной кисти.

Когда Люсьен увидел, что она уничтожает следы его поцелуя, в глазах его вспыхнул адский огонь. В это мгновение вид у него был такой яростный, что Элис не знала, что он с ней сделает. Ощетинившись, точно сердитый волк, он напугал ее неистовым выражением своего лица и откровенной похотью, горящей в глубине глаз. Люсьен прошел мимо нее к двери и, грубо щелкнув пальцами, подозвал к себе стоявшего на часах человека.

- Проследите, чтобы мисс Монтегю благополучно доставили в ее комнату.

- Слушаюсь, милорд, - ответил стражник и коротко кивнул. - Мисс, следуйте за мной, прошу вас.

Элис смущенно посмотрела на Люсьена. Он наблюдал за ней, и в глазах его сверкало какое-то враждебное вожделение, которое встревожило ее гораздо меньше, чем хитрая, довольно жесткая полуулыбка, кривившая его губы.

- До свидания, милорд, - проговорила она через силу, но с вызовом. Если повезет, она убежит из этого дома завтра утром и ей не придется больше встречаться с ним.

Он сунул руки в карманы и, опершись плечом о дверной косяк, следил за каждым ее движением.

– Доброй ночи, дорогая.

Элис повернулась и пошла вслед за стражником по прихожей, ощущая на себе жгучий взгляд Люсьена. Когда человек в черном плаще начал спускаться по винтовой лестнице, она в последний раз бросила на Люсьена взгляд через плечо. Он все еще стоял там же, его высокая сильная фигура тонула в тени, и, судя по блеску его светлых обманчивых глаз, он что-то замышлял.

Ролло Грин из Филадельфии, известный в Гроте под именем Орфея, вытер пот со своей лысой головы. Его грудь тяжело вздымалась от чрезмерного количества выпитого вина и от волнения. Ему повезло, что сердце не подвело его в этой сырой, перегретой атмосфере Грота. Он оторвал взгляд от голы девушки, танцевавшей неподалеку от него, потому что заметил, как Люсьен Найт вышел из своих тайных апартаментов, расположенных внутри дракона. Американец видел, как Люсьен унес с собой красивую молодую нимфу с синими глазами, поступив именно так, как Орфей ей и предсказывал.

«Быстренько управился», – подумал он с ухмылкой, глядя, как их хозяин легко пробирается сквозь толпу. Ролло не огорчился из-за того, что ему не удалось сорвать поцелуй у этой девушки. Вряд ли он может соперничать с человеком с такой внешностью, как у Люсьена Найта, и с его умением очаровывать, когда речь идет о женщинах, но он с удовольствием подумал о том, что равен Люсьену по крайней мере в мастерстве и хитрости.

Между ним и Люсьеном Найтом установилось настороженное профессиональное понимание, хотя они принадлежали к противоборствующим сторонам в этой войне. Ролло был одним из немногих, кто понимал, что снисходительный светский дипломат лорд Люсьен Найт был также безжалостным британским агентом, чье кодовое имя Аргус заставляло трепетать министров иностранных дел многих стран и даже наводило страх на Фуше, наполеоновского шпиона высшего класса.

Ролло и Люсьена никак нельзя было назвать врагами, потому что в прошлом они несколько раз обменивались сведениями, но и от дружеских отношений они были весьма далеки. Ролло знал, что Люсьен испытывает к нему неприязнь из-за его купеческих замашек и недостатка благородного блеска, а Ролло, со своей стороны, обижало физическое и интеллектуальное превосходство англичанина,

не говоря уже о его высокомерии. Однако сегодня ночью Ролло наслаждался тем, что он знает нечто такое, что неизвестно всезнающему Люциферу.

Нечто грандиозное!

И он, Ролло Грин, находится в центре этого, он все подготовил. Возможно, он недостаточно жесток и низок, чтобы переиграть такого, как Люсьен Найт, но он проложил путь для человека, который во всем равен Люсьену, а пожалуй, в чем-то и пострашнее его.

При мысли о том, кто должен появиться, на сердце Ролло словно пала холодная тень, заставив его оторвать взгляд от покрытой потом танцующей девушки. Нужно заняться делом! Он оглядел толпу, и его взгляд остановился на высокородном молодом повесе, ради вербовки которого он и пришел сюда.

Достопочтенный Итан Стаффорд был младшим сыном графа и идеально подходил для целей Ролло. Обладатель мальчишески красивого лица и золотых кудрей, Итан Стаффорд был хорошо воспитанным модным молодым распутником, имевшим обширные знакомства в высшем свете. Хотя высший свет не знал тайны Итана Стаффорда – не знал, что он погубил себя карточной игрой.

Будучи лишен наследства своим богатым отцом, Стаффорд избежал долговой тюрьмы и публичного извещения о своем разорении только потому, что выполнял сомнительного свойства поручения для теневых фигур, обитающих на дне общества, вроде жестокого ростовщика, который и рассказал Ролло об этом юноше.

К счастью, молодой мистер Стаффорд не был пьян, когда Ролло приблизился к нему, с трудом волоча ноги и проталкиваясь сквозь толпу. Стаффорд стоял с полудюжиной других молодых гуляк, поглощенный зрелищем того, как леди в маске давала урок кнутом своему очередному добровольному рабу.

– Простите, сэр! – обратился Ролло к Стаффорду, а потом понизил голос: – Я слышал, что вас может заинтересовать кое-какая работенка.

Молодой человек глянул на него искоса; взгляд его стал сосредоточенным. Ролло поощрительно кивнул. Стаффорд с настороженным видом последовал за ним. Они отошли в сторону.

– Мне сказали, что на вас можно положиться. Вы добыли кое-какие сведения для одного моего друга.

– Верно, – осторожно согласился Стаффорд.

«Бедный мальчуган, – подумал Ролло. – Не может жить без сладостей».

– Что нужно сделать для вас? – тихо спросил Стаффорд, надменно вздернув породистый подбородок.

– Через неделю или около того приезжает мой добрый друг из Пруссии, требуется ввести его в общество, показать ему Лондон.

– И это все? – недоверчиво поинтересовался Стаффорд.

Ролло издал веселый гулкий смешок:

– Да, мой мальчик, это все!

– Сколько вы заплатите?

– Триста фунтов. Никаких вопросов. Ни пенни больше.

– Триста фунтов? – повторил Стаффорд. – А в чем здесь подвох?

– Никаких подвохов, – весело ответил американец. – Мой друг очень богат и преисполнен решимости произвести хорошее впечатление на лондонское общество. Я свяжусь с вами, когда придет время, и помните – конфиденциальность прежде всего. – И Ролло положил палец на губы, совсем как статуя Приапа у входной двери, призывая молодого человека хранить молчание.

Стаффорд кивнул и вернулся к своим друзьям. Отвернувшись, Ролло увидел неподалеку Люсьена, болтавшего в группе гостей. Ролло попробовал ускользнуть, но Люсьен заметил его и бросил на него довольный взгляд.

– Сегодня вечером у вас вид удачно потрудившегося человека, – протяжно проговорил Люсьен своим низким, ласкающим голосом. – Прижимаете ухо к земле?

– Я пришел сюда только ради женщин, старина, – ответил американец с добродушной усмешкой. – Ваши приемы – это единственное место, где я могу почувствовать себя свободно.

Люсьен рассмеялся и пошел дальше.

– Счастливой охоты, Орфей.

– И вам того же. – Ролло следил, как Люсьен фланирует среди обожающих его гостей.

Американец испустил долгий вздох. Он чувствовал себя, как участник пикника, на которого напал волк и которому удалось остаться невредимым. Сделав свое дело, Ролло поставил стакан с вином и огляделся, надеясь найти женщину, пьяную настолько, что она согласится ему отдаться.

Почти светало, когда слуги Люсьена очистили Грот от последних гостей. Сторожа в черных плащах подбирали пьяных дураков, бродивших там и сям, и уносили в их комнаты, а Люсьен в это время собрал у себя свой штат молодых повес и смекалистых шлюх. Они пили кофе, обсуждали то, что видели этой ночью, и сообщали собранные сведения.

Люсьен прислонился к окну с красными стеклами, сложив руки на груди, и слушал сообщения каждого по очереди, но сосредоточиться ему было трудно, поскольку мысли его, представлявшие собой смесь желания и раздражения, то и дело возвращались к Элис Монтегю.

Как посмела она так с ним обойтись? Кем она себя воображает? И почему, скажите на милость, он не может выбросить ее из головы? Какая нелепость. Его, Люсьена Найта, безумно влечет к какой-то маленькой девственнице с глазами лани. Эта девица – ханжа. Неудивительно, что она довела Кейро до сумасшествия своей повышенной стыдливостью. Ее нравоучения до сих пор

злили его. «Вот что такое любовь, Люсьен! Вот что она делает!» «Любовь», – подумал он, презрительно фыркнув. Однако Люсьена немного напугала Элис Монтегю. Ясность ее взгляда и прозрачность чувств обескуражили его циничную натуру. Она была настоящей, каким он не чувствовал себя уже много лет.

«Элис опасна, вот в чем дело», – подумал он. Она угрожает его пониманию жизни, доставшемуся с таким трудом, жизни со всей ее безжалостностью. Жизнь лишила его всех идеалов и иллюзий – и все же он пожертвовал бы чем угодно, лишь бы встретить человека, который воскресил бы в нем былую веру.

Но на самом ли деле она столь добродетельна? Люсьен мысленно усмехнулся. Существуют ли вообще добродетельные люди? Эта девушка уязвила его, и он решил отплатить ей за оскорбление, показав, что на самом деле она вовсе не такой образчик добродетелей, какой кажется сама себе. Ему не хотелось причинять ей боль, но он приготовился хорошенько напугать ее, чтобы доказать свою правоту – мисс Два Башмака точно так же не является непогрешимой, как и все остальные. Элис была так чиста, и это задевало его, но гораздо легче сбить с нее спесь, чем тщетно пытаться подняться в ее сферы.

В голове у Люсьена мелькнула беспокойная мысль: «Что, если ты подвергнешь ее испытанию, а она его выдержит? Что, если она докажет, что ты ошибаешься?»

Взрыв смеха, раздавшийся в комнате, оторвал Люсьена от размышлений. Марк подал ему список различных агентов, побывавших этой ночью в Гроте. Все нации, союзные Англии, были здесь представлены – Россия, Австрия, Пруссия, Португалия и прочие. Люсьен рассеянно изучал список, огромным усилием воли на мгновение выбросив Элис Монтегю из головы.

Проще говоря, так называемый орден Дракона был инструментом контрразведки, который существовал со времен королевы Елизаветы и ее зловещего тайного вдохновителя Вальсингама, истинного отца шпионажа в Англии и личного друга первого маркиза Карнартена. Сутаны и прочая таинственная дребедень существовали как часть вековой связи между шпионажем и оккультизмом. Оккультная чепуха притягивала бунтарей, авантюристов и недовольных людей из общества; эти люди, в свою очередь, притягивали тайных агентов. Умные агенты умели высматривать сочувствующих союзников среди изгоев и неудовлетворенных, ничего не подозревающих людей, которых можно было использовать в своих планах, – простофиль, которые

одалживали им деньги, или тех, кто мог бы ввести их в те круги общества, куда они хотели проникнуть.

Протеже Люсьена, которых он ласково называл Север, Юг, Восток и Запад, и, разумеется, Толберт, играли именно эту роль. Им было примерно по двадцать пять лет, все из хороших семей. Молодые люди смешивались с толпой гостей не только чтобы следить за закрепленными за ними четвертями круга, на которые был разделен Грот, но также чтобы играть роль неугомонных, темпераментных повес, которых искал какой-нибудь умный агент, строящий очередные заговоры.

Эти молодые люди стали отличными помощниками Люсьену, и поскольку никакого официального курса для королевских агентов не существовало, он задумал после войны обучить их всему, что знал сам, как и его отец, маркиз, учил его. Они были молоды и все еще в достаточной степени идеалисты, поэтому не испугались, когда Люсьен предупредил их, чтобы они не рассчитывали даже на благодарность за свои труды. Они занимались этой работой ради приключений и ради того, чтобы, ходя по лезвию ножа, ощущать трепет жизни. Когда собрание закончилось и небогатый набор ценных сведений был выложен, молодые женщины и мужчины начали посматривать друг на друга, думая уже об отдыхе, поскольку свое дело они сделали.

– Есть еще кое-что, – сказал Марк Скиптон, отвечающий за западный сектор.

Люсьен подавил зевок.

– Да?

– Я подслушал одного из агентов царя – как бишь его имя?

– Леонидович?

– Да, верно. Я слышал, как он говорил одному из австрийцев, что Клод Барду жив и работает на американцев.

Люсьен уставился на него, чувствуя, как холодеет кровь. Лицо его стало пепельным, и вполне вероятно, что сердце у него на мгновение перестало биться.

– Жив? – с трудом проговорил он, стараясь, чтобы голос его звучал небрежно. – Как же это может быть?

– Леонидович сказал, что он не знает, есть ли у этих слухов какое-либо основание, – ответил Марк, лениво пожав плечами, – но говорят, что Барду сам запалил огонь в Париже. Инсценировал свою смерть, а потом бежал в Америку.

О Боже! Эта новость потрясла Люсьена. Сразу же перед его мысленным взором возникло лицо выдавшего вида ирландца Патрика Келли. Он быстро опустил глаза и отвернулся, чтобы скрыть свое смятение.

Проклятие! Он ведь слышал, что Барду мертв – не пережил падение Наполеона. Когда Люсьен узнал о том пожаре в Париже, он отметил кончину этого чудовища, выпив своего лучшего портвейна. Единственное, о чем он жалел тогда, что не он сам убил Барду.

За спиной у него Стюарт Кайл, ответственный за восточный сектор, тихонько свистнул.

– Барду – личность легендарная! Если он стал наемником и предложил свои услуги американцам... – Молодой человек многозначительно передернул плечами.

– Помните рассказ о том семействе купца, которое он уничтожил в Вестфалии, заподозрив, что купец тайно работал против короля Джерома? – мрачно добавил Марк. – Это просто проклятое отродье дьявола.

– Хватит! – резко приказал Толберт. – Здесь дамы.

Марк и Кайл торопливо пробормотали извинения смущенным девушкам, но Люсьен не обратил на это никакого внимания. В горле у него застрял комок, и холодный пот выступил на теле. Он вытер влажные ладони о панталоны и беспокойно заходил взад-вперед, стараясь собраться с мыслями.

Клод Барду, французский агент, известный под кличкой Тритон, был шпионом высшей категории и главным человеком Фуше, его тайным оружием. Между ним и Люсьеном произошел некий инцидент, о котором молодые люди,

находившиеся в комнате, ничего не знали.

Кровавая история!

Люсьен никогда не рассказывал ни Деймиену, ни Кэслри, вообще ни одной живой душе о том, как его схватили и подвергли пыткам вражеские агенты полтора года назад, весной 1813 года. При побеге он убил всех людей Барду; теперь только два человека из живущих на земле знают о чудовищном испытании, через которое он прошел, – сам Барду, истязавший его, и Люсьен, вынесший все мучения.

Позднее он узнал, что Барду выполнил приказания Фуше не оставлять видимых следов пыток на его теле, однако этому животному удалось запечатлеть боль в глубинах его сознания. Люсьен считал, что он похоронил воспоминания, узнав о смерти Барду, но все мгновенно воскресло, кошмар вновь погрузил его в то дикое состояние, в котором он прожил последние дни перед побегом, точно загнанный зверь. Ненависть растекалась по жилам, как едкая кислота, как яд. «Ей-богу, Патрик, – мрачно думал Люсьен, – если этот францушка, этот ублюдок действительно жив, я отомщу за вас».

Нет ничего неправдоподобного в том, что теперь Барду работает на американцев, размышлял Люсьен, потирая затылок и расхаживая по комнате в тревожном возбуждении. На побережье бывших колоний война бушевала с 1812 года. Дипломаты обеих сторон начали обсуждать эту проблему почти два года назад в голландском городе Генте, но достигли немногого. Сражения продолжались, равно как и блокада. Тем временем падение Наполеона оставило французских шпионов вроде Барду без работы, они не могли вернуться во Францию, где восстановленные на троне Бурбоны смотрели на них как на предателей, нежелательных лиц во всей победоносной союзной Европе.

Америка была, пожалуй, единственным местом, где разбросанные по свету шпионы Наполеона могли найти убежище, для настоящих же фанатиков вроде Барду это было место, куда они могли уехать, если жаждали бороться против британцев. Осажденная администрация президента Медисона, находящаяся в Вашингтоне – или в том, что осталось от новой американской столицы после того, как британские оккупационные войска сожгли ее почти дотла два месяца назад, – разумеется, с радостью встретит людей, подобных Барду.

Люсьен с мрачным видом повернулся к своим помощникам – когда он начал раздавать приказания, голос его походил на тихое рычание.

– Сначала мы должны удостовериться в этом. Кайл, ступайте в гостевой флигель и приведите ко мне Ролло Грина. Если среди американцев ходят какие-то слухи, он узнает, в чем дело. За деньги он все скажет.

– Ролло Грина уже нет – он уехал несколько часов назад. Я посмотрел в списке отъезжающих, – сообщил Роберт Дженкинз, ответственный за южный сектор.

Люсьен выругался. Умные агенты – точно осторожные уличные кошки, которых приходится выманывать оттуда, где они прячутся. Если они не хотят, чтобы их обнаружили, они могут растаять как дым. Это особенно относится к двойным агентам вроде Ролло Грина, которые живут, постоянно опасаясь мести со стороны тех, кого они продали.

– Хотите, мы попытаемся его догнать? Я думаю, он поехал по дороге на Бат, направляясь обратно в Лондон, – предложил Марк.

Люсьен долго обдумывал это предложение.

– Давайте. Толберт, вы останетесь, и мы вместе допросим Леонидовича. А вы четверо поезжайте верхом, но если не найдете Ролло к тому времени, когда доберетесь до дороги в Уэльс, возвращайтесь в Ревелл-Корт. Это может быть уловкой.

– Уловкой? – недоуменно переспросил Марк.

– Вы можете считать себя непобедимыми, но если в дело замешан Барду, вы не должны пытаться завербовать его. Во всяком случае, мы устроим следующий прием через неделю, считая от сегодняшнего дня. Если вы не найдете Грина, я уверен, что он вернется. Пока же мы выжмем наши собственные источники информации касательно предполагаемого воскрешения Барду. Идите.

Отпустив также и девушек, Люсьен послал Толберта найти Леонидовича, после чего остался ждать в своем наблюдательном пункте наедине со своими демонами. Клод Барду, будь он трижды проклят!

Вид у него был растерянный. Он тяжело вздохнул и сел в ожидании, когда Толберт приведет Леонидовича. Опершись локтем о грубый деревянный стол, он прижал к глазам кончики пальцев. Господи, как ему хочется забыть о том, что произошло тогда, но стоит закрыть глаза, как он видит подвал, где его держали в темноте и одиночестве несколько недель, голодного и избитого. Люсьен все еще ощущал вкус крови во рту – последствия самой изобретательной пытки Барду, когда его связали ремнем и вытащили два коренных зуба, чтобы наказать за отказ говорить. Но физическая боль – ничто в сравнении со стыдом, который он испытывал от сознания, что Барду удалось в конце концов вытянуть из него одно имя – Патрик Келли.

Люсьен содрогнулся от мучительного стыда. Отец посвятил Люсьена в тонкости дипломатии, однако именно Келли, ирландец с отважной душой, научил его практическим умениям разведчика. Доведенный пытками до безумия, крича в полусознательном состоянии, Люсьен в конце концов выдал местонахождение Келли. Когда ему удалось сбежать из тюремной дыры, было уже поздно предупредить ирландца, что его ищут французы. Келли исчез. Больше Люсьен не видел его и ничего о нем не слышал.

– Милорд?

Он в изнеможении открыл глаза, но попытался скрыть это, когда обернулся через плечо с вопрошающим видом. Лили, самая красивая из нанятых им куртизанок, прислонилась к стене в призывной позе.

– Вам что-нибудь нужно? – сухо осведомился Люсьен.

– У вас обеспокоенный вид. Я подумала, что вам, наверное, нужно общество. – Лили, гипнотизируя его взглядом сирены, пробежала пальцами по оборчатому вырезу своего платья. Отойдя от стены, она с томным видом направилась к Люсьену.

Его взгляд скользнул по ней, во взгляде этом был голод настолько глубокий, что насытить его такие, как она, были не в состоянии.

– Лили, соблазнительница вы эдакая, – проговорил он заученным праздным тоном, – вы же знаете, что я не смешиваю дело с развлечением.

Люсьен напрягся, когда она положила руки ему на плечи и обошла вокруг его стула. Он взгляделся в ее лицо; Люцифер был в опасном настроении.

Она обвила его шею руками.

- Как вы всегда говорите, милорд, правила существуют для того, чтобы их нарушали!

- Но не мои правила, крошка.

- Что бы там ни случилось, я могу сделать так, что вам полегчает. Все, что от вас требуется, - это лечь и позволить мне ублажать вас. Возьмите меня к себе в постель, когда покончите с делами. - Она поцеловала его в щеку и прошептала:
- Это будет бесплатно.

И она принялась целовать его в шею и ласкать, а он сидел равнодушный, как камень. Потом Люсьен закрыл глаза. Дрожь вожделения пробежала по его телу, но в голове у него была только Элис Монтегю. «Вот что такое любовь, Люсьен! Вот что она делает!» «Господи, ну кто говорит о любви в наше время или хотя бы верит в нее?» - подумал он, в то время как запах шлюхи наполнял его ноздри - мускусный аромат пота, перебиваемый тошнотворно-сладкими духами. Люсьен прекрасно понимал, как можно уронить свое достоинство просто для того, чтобы оказаться в чьих-то объятиях на всю ночь, но он не хотел алкать того, чего не существует. Любовь - это для поэтов, а надежда - для дураков. Когда Лили стала с профессиональным умением ласкать его по верху панталон, тело отозвалось мгновенно, но ум пребывал в отчаянии. «Боже, помоги мне», - подумал Люсьен, погружаясь в очевидную пустоту бессмысленного обряда. Больше он не мог этого выносить. Схватив куртизанку под мышки, он оттолкнул от себя ее руки и отстранился. Потом встал со стула и отошел к окну с красными стеклами, повернувшись к Лили спиной.

- Я привез из Лондона свою любовницу.

Лили ничего не ответила, хотя он и чувствовал, что она оскорблена. Спустя мгновение он услышал, что она встала и вышла из комнаты - прошелестели ее юбки, простучали шелковые туфельки, - и Люцифер опять остался в одиночестве. Печально смотрел он сквозь красные стекла окон на изящные колонны и бассейн для забав. Говорят, что эти воды обладают целебными

свойствами, но ему они никогда не помогали. Люсьен скрестил руки на груди, опустил подбородок и мысленно привел себя в порядок, потому что ночная работа еще не закончена. Единственная женщина, с которой он согласился бы разделить этой ночью ложе, была Элис Монтегю. Но она, руководствуясь несокрушимым здравым смыслом, отвергла его домогательства.

Вернулся Толберт, они расспросили Леонидовича – и ничего не узнали. Когда расспросы подходили к концу, появились Марк и остальные молодые люди – с пустыми руками. Ролло Грин ускользнул от них. Они расстались почти на рассвете, выполнив свой долг, – молодые люди направились в бункер, устроенный на военный манер рядом с конюшнями, а Люсьен, совершенно измученный, ушел в конце концов из Грота и вернулся в тихий спящий дом.

Вскоре после этого он вошел в свою просторную элегантную спальню и направился к восточному окну, снимая через голову рубашку. Раздевшись в жемчужно-серой полумгле, он лег в постель, слишком усталый, чтобы снять покрывало. Люсьен решил поспать хотя бы два часа до наступления дня, но стоило ему закрыть глаза, как появлялась отвратительная физиономия Клода Барду, а иногда – смеющееся лицо Патрика Келли. Он отогнал оба мучительных видения, погрузившись в мысли о юной восхитительной Элис Монтегю. Ее робкая скептическая улыбка, которая появлялась так неохотно и оттого была еще более драгоценной, – эта улыбка даже сейчас казалась ему очаровательной. В ней была некая цельность и простота, действовавшие на него успокаивающе. Он начал расслабляться, смакуя воспоминания о том, как прикасался к ней, как его руки ощущали шелковую нежность ее бедер, сладостную мягкость груди. Вспомнил, как она удивилась, когда он попробовал ее теплые девственные губы. «Какая невинная», – подумал Люсьен. Ему доставляло удовольствие сознавать, что он прикасался к ней там, где никто еще не прикасался, что он первым поцеловал ее.

И пока он лежал в постели, его посетило дьявольское вдохновение, которое очень быстро приняло некие четкие очертания. Люсьен уставился в потолок широко раскрытыми глазами, потом резко сел, сердце его бешено забилося.

Нет, это нехорошо! Дурной, сумасшедший план – но ведь не первый же у него. Разве может умирающий с голоду отказаться от пиршества?

Другого шанса с Элис Монтегю у него никогда не будет. Это он должен понимать так же твердо, как и то, что женщина вроде нее может все изменить в

его жизни. Если он встретит ее в Лондоне, она отвернется от него, как и всякая порядочная молодая барышня. Ведь Элис знает его только как Дракона, вождя языческого культа. Даже если он попытается обратиться к ней самым приличным образом, Кейро, ее ревнивая опекунша, никогда не позволит ему близко подойти к девушке после нынешней ночи. Хуже того, понял Люсьен, в Лондоне Элис непременно встретится с Деймиеном, а в сравнении с братом он, Люсьен, будет выглядеть еще отвратительнее. Вряд ли он сможет это вынести.

Несколько ошеломленный тем, как сильно поразил его собственный возмутительный план, он снова опустился на кровать и, сложив руки за головой, начал искать ответы в темноте. Осмелится ли он попробовать?

Она рассердится. Ей это не понравится, но она сама виновата – возразила порочная часть его сознания. Элис по собственной воле проникла туда, где ей не место. Она явилась к нему в дом, в его жизнь, и теперь он не выпустит ее, пока не получит удовлетворения. Люсьен знал, что она собиралась уехать рано утром, но он этого не допустит. Может быть, таинственная связующая нить, которую он ощущал между ними, была ничем, а может быть, это его спасение.

Задумчиво повернув голову на подушке, Люсьен посмотрел в окно спальни на отдаленное свечение рассвета на горизонте. Ему показалось, что солнечный восход цвета золотого пламени в точности повторяет цвет ее волос.

Глава 4

Элис спала как опоенная – долго, крепко и без сновидений. Проснувшись через двенадцать часов, она лежала спокойно в постели, пахнувшей лавандой, и сознание происходящего постепенно вернулось к ней. Ласковый утренний свет проникал сквозь ресницы. Открыв глаза, она увидела незнакомую комнату. Сначала Элис испугалась, потом все вспомнила, с тяжелым вздохом снова легла и зарылась лицом в подушку.

Люсьен. Прежде всего она вспомнила его, но тут же мстительно отбросила мысль об этом дьяволе с серебристыми глазами. Ей хотелось никогда больше не думать ни о нем, ни о прошлой ночи, ни о безнравственности, царящей в Гроуте.

Сегодня она уедет домой в Гленвуд-Парк и забудет вообще, что подобные вещи существуют, но видит Бог, ей не хочется торопиться. Перспектива провести следующие пятнадцать часов в тесной карете в обществе злобной невестки заставила ее содрогнуться.

Услышав громкий топот за окном своей комнаты, Элис соскользнула с высокой кровати и пошла выяснить, что происходит. Посмотрев через щель между занавесями, она увидела, что несколько карет с гостями шумной вереницей отъезжают от Ревелл-Корта.

Она резко отодвинулась от окна. Сколько же сейчас времени? Если вакханалия в Гроуте уже закончилась, должно быть, утро в самом разгаре! Часы на камине подтвердили ее предположения. Одиннадцать часов! Элис тяжело вздохнула. Теперь они поздно отправятся в дорогу, и опять им придется проделать заключительную часть пути в темноте, но по крайней мере дорога домой лучше знакома, чем горы Сомерсета.

Она поспешила к комоду, налила там воды из кувшина в фарфоровый таз – при этом мысли о Люсьене не переставали терзать ее. Ополаскивая кожу свежей, бодрящей холодной водой, Элис пыталась выкинуть его из головы. Он хитрый и опасный. Элис никак не могла разобраться в нем, но вряд ли это бесстрастный дипломат, которого она ожидала увидеть. Он свиреп, как тигр, быстр, как гадюка, и хитер, как лисица. Когда ему это выгодно, подумала Элис, чувствуя, как несколько капель воды чувственно скатываются по ее шее в ложбинку между грудями, он может быть неотразимо-очаровательным.

Она вздрогнула и закончила умывание, вытерев полотенцем лицо и грудь. Потом надела свежую сорочку и чистые чулки, лежавшие у нее в дорожной сумке. Натягивая тонкие белые чулки и пристегивая их к подвязкам, Элис старалась не обращать внимания на легкие волнующие обрывки воспоминаний о его руках, которые так умело обшаривали ее бедра. Что за мысли! Девушка приказала себе думать только о маленьком бедном Гарри, который ждет не дождется ее возвращения домой.

Облачась в свое темно-синее дорожное платье, она пожелала себе никогда не встречаться с Люсьеном в обществе – в особенности в этом сезоне, потому что потом ей исполнится двадцать два года, что на деле является последним шансом для женщины. Это значит, что пришло время раз и навсегда решить, кто из ее давних поклонников годится ей в мужа.

Проклятие! Она совсем запамятовала о своих поклонниках вчера ночью, когда Люсьен спросил, кто же любит ее! К несчастью, Элис знала, почему забыла об их существовании в этот момент, – рядом с ним они не выдерживали никаких сравнений. Однако Дракон – существо, погибшее окончательно; если и найдется та, что станет его женой, Элис будет ее очень жаль.

Трое ее поклонников были приятными молодыми людьми из хороших семей и с прекрасным будущим; все ухаживали за ней как рыцари, «взглядами», в течение последних четырех сезонов, начиная с ее первого появления в свете. Роджер был умен, Том храбр, а с Фредди было весело. Только вот в глубине души Элис мечтала о таком человеке, который обладал бы всеми этими качествами, а вдобавок еще и множеством других. Благослови их, Боже, они были с ней так терпеливы, так долго ждали, когда же она сделает выбор. Но ее сдержанным отношением к своим поклонникам не исчерпывались все сложности.

Гораздо серьезнее было то, что она не могла оставить Гарри на Кейро, учитывая, какая это легкомысленная и безответственная мать. Не могла она и бросить его на попечение прислуги, какой бы доброй и умелой ни была Пег, да и остальные тоже. Чтобы расти как полагается, человеку нужно быть окруженным семьей – это Элис знала по собственному опыту. Если Кейро не начнет относиться к своему сыну как мать, Элис никогда не сможет выйти замуж и покинуть Гленвуд-Парк. И останется старой девой, и у нее никогда не будет своих детей, которых она могла бы любить. Горестно вздохнув, девушка опустилась на табурет, стоявший у туалетного столика, и принялась укладывать волосы в гладкий пучок на затылке, позволив только нескольким завиткам резвиться у шеи.

В этот момент раздался стук в дверь. Элис посмотрела на отражение двери в зеркале.

– Войдите!

В ответ на приглашение дверь отворилась, и пухленькая веселая горничная внесла поднос с завтраком. Сняв серебряную крышку, Элис увидела под ней весьма соблазнительный набор различных печений и поджаренных хлебцев, а также всевозможные варенья, мед, фрукты и кусок местного чеддерского сыра, но глаза у нее расширились при виде розовой розы, лежащей вдоль серебряного прибора. Элис была польщена и заинтригована. Под шипастым стеблем лежал

листочек прекрасной льняной бумаги, сложенный втрое и запечатанный каплей алого воска.

Элис тут же протянула руку к записке, в то время как горничная наливала чай. Девушка дрожащими руками сломала печать и развернула бумагу. Читая, она мысленно слышала его небрежно-соблазнительный глубокий голос с плавными модуляциями.

«Доброе утро, Элис! Придите ко мне в библиотеку, как только сможете.

Ваш покорный слуга Л.К.Н.».

Приказание! Ну что ж, этого следовало ожидать. Его высокомерие возмутило ее, но при мысли о том, что она еще раз увидит Люсьена, голова у нее слегка закружилась. Элис пять раз перечитала записку, и сердце у нее сильно билось от страха и глубокого волнения. Что ему еще от нее нужно? Может быть, вообще не стоит обращать внимания на эту записку?

После получения известия есть она уже не могла. Горничная заботливо подала чашку чая, но руки у Элис дрожали так, что она пролила немного чаю на блюде и чуть не испортила свое платье. Девушка смогла проглотить только кусочек поджаренного хлеба с вареньем. Элис надеялась ускользнуть из Ревелл-Корта, не повидавшись с ним, но ей не следовало забывать, что этот человек слишком развращен, чтобы позволить ей сделать это. Возможно, он собирается извиниться за свои непристойные ухаживания прошлой ночью – или хочет предпринять еще одну попытку. Элис решила, что снизойдет до него на пару минут. В конце концов она слишком горда, чтобы прятаться.

Как только Элис покончила с завтраком и наскоро почистила зубы, она бросила обеспокоенный взгляд в зеркало, нахмурилась, увидев, что щеки у нее горят от предвкушения встречи, пригладила волосы, а потом попросила горничную проводить ее в библиотеку.

Спустя несколько минут Элис уже шла по лабиринту коридоров на верхнем этаже. Наконец они выбрались на главную лестницу, где первый маркиз Карнартен следил за происходящим со своего портрета. Группа спорящих гостей, готовых пуститься в путь, толпилась в холле. Мистер Годфри и

полудюжина лакеев сновали во всех направлениях, пытаясь удовлетворить последние требования отъезжающих, в то время как два мускулистых вооруженных стражника в черных плащах стояли, точно задумавшиеся колонны, в противоположных углах холла.

Верные сподвижники Дракона казались смущенными в свете солнечного дня и теперь прятали свои лица друг от друга под полями цилиндров и дамских шляпок. Кое-кто из дам даже опустил вуаль, чтобы лучше скрыть лицо, но портрет маркиза ухмылялся, глядя на них с лестничной площадки; его хитрая улыбка, казалось, говорила, что, как бы они ни прятались, он прекрасно осведомлен об их грязных секретиках.

Элис пошла за горничной по тихому коридору, где уже не было видно гостей и не слышно их пререканий. Она увидела елизаветинское великолепие Ревелл-Корта при свете дня, и у нее закружилась голова. Идя по коридору, Элис заглядывала в разные комнаты – высокие, с дубовыми балками помещения, стены, украшенные лепкой кремового цвета, величественные ренессансные каминные и красочные, выцветшие от времени ковры, покрывающие полы из серо-коричневых гранитных плит. Солнечный свет лился сквозь стекла ромбовидных окон со средниками, танцевал на прямоугольной тяжелой мебели, покрытой густой патиной времени, и согревал богатые старинные гобелены, изображающие сцены соколиной охоты или травли оленя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Моя дорогая (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

2

Мой ангел (фр.).

3

Добрый вечер, сударыня (фр.).

4

Поверенный в делах (фр.).

Купить: https://tellnovel.com/fouli_gelen/moy-pylkiy-lord

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)